ПРОЕКТ
АРКАДИЯ и БОРИСА
СТРУГАЦКИХ
ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

На войне – как на войне!

ВОЙНА
РОТМИСТРА ТООТА

Владимир Свержин

Обитаемый остров

Владимир Свержин

Война ротмистра Тоота

«Владимир Свержин»
2010

Свержин В.

Война ротмистра Тоота / В. Свержин — «Владимир Свержин», 2010 — (Обитаемый остров)

У ротмистра Атра Тоота было все: овеянное славой прошлое, стабильное настоящее и вполне радужное, по меркам Саракша, будущее. Даже свой собственный, ручной упырь. Не было только отпуска и девушки. Давно. Впрочем, для офицера Боевого Легиона и кавалера Пламенеющего Креста это – пустяки и дело поправимое. Вот только в родной для Тоота Харрак одновременно с ним прибывает не кто-нибудь, а сам шеф контрразведки Метрополии, таинственный Странник. Да и то сказать: совершено нападение неизвестных на стратегический объект, похищена секретная документация, а хонтийские и пандейские диверсанты, говорят, растут прямо на деревьях. Так что, не успев оглянуться, ротмистр оказывается втянут в странную войну, в которой враги неизвестны, союзники так и норовят ударить в спину, а доверять нельзя никому. Массаракш! Что ж, на войне – как на войне…

© Свержин В., 2010
© Владимир Свержин, 2010

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 26
Глава 6 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Владимир Свержин
Война ротмистра Тоота

Пролог

Заметив ротмистра, капрал Джарт залихватски улыбнулся и нажал на гашетку пулемёта. Дробный грохот длинной очереди повис в тяжёлом душном воздухе, и лишь радостное цоканье вылетающих гильз звучало жизнеутверждающе, словно колокольчик почтаря в зимнюю метель. Воспитуемые привычно вжались, да что там – вгрызлись в землю, стараясь уменьшиться, сжаться до размеров горошины. Ротмистр Тоот удовлетворённо оглядел воспитуемых, капрала, разлетающиеся в щепы старые патронные ящики у высокой заросшей бурым остролистом насыпи.

– Господин ротмистр, – капрал поднял дымящийся ствол пулемёта, с чувством щёлкнул стопором зенитного положения и вскинул пальцы к берету, – секция воспитуемых «Зета» проводит тактические учения по самоокапыванию под пулемётным огнем!

Закончив доклад, он обернулся к лежащим в траве серолицым мужчинам в линялых комбинезонах:

– Встать, рыла паучьи! Массаракш! Глаза растеряли, выродки?! Офицера не видите?

Воспитуемые нестройно поднялись. Без малого три десятка лиц, разных и в то же время похожих – землистым цветом, смертельной усталостью и впечатанным, точно клеймо, чувством безотчётного страха в глазах.

«Бойцы, – отворачиваясь, скривился ротмистр. – Вот тот слева, с глазами навыкате, Крыт Шара, ещё неделю назад щёлкал ножницами в своём парикмахерском салоне. Никто и не подозревал, что он выродок, пока не начало его корчить прямо у ног очередного клиента».

Воспитуемый Шара сжался под тяжёлым взглядом ротмистра, предчувствуя недоброе. Взгляд наполнился отчаянием. Шара попытался ухватить старенький карабин так, как учил на занятиях энц капрал, и от испуга выронил оружие.

За спиной офицера послышался зычный голос Джарта:

– Эт тебе не гребешок, воспитуемый Шара. В бою за потерю оружия – расстрел на месте.

– Но я…

– Молчать! В Периметр! В караул! Через день на ремень.

«Правильно говорит, – подумал Атр Тоот, – хоть фугас у ног рвани, если уж выжил – оружие должно быть при тебе». Он развернулся и, похлопывая плетёным кожаным стеком по начищенным сапогам, зашагал прочь.

«Эх, тот горец, которого вчера Зэф притащил, – вот из кого бы солдат получился! Всем солдатам солдат! Таких бы роту, а лучше – батальон, и можно… – Ротмистр задумался, что, собственно говоря, „можно“. – Да хоть бы рейд на пандейскую столицу! – Он с силой хлестнул себя по сапогу. – Это, конечно, чушь, поляжет батальон в неравном бою с пандейскими ублюдками, но геройски поляжет. Гору трупов вокруг себя наворотит».

Тут ему вспомнилась улыбающаяся физиономия горца: «Мак Сим Кмрр… что-то такое. Как только они с этими именами живут? Жаль, с головой у чужака не всё в порядке. Одно слово – мутант».

– Так ведь, господин капрал, – раздалось за спиной. – Как же одного-то в Периметр? Говорят, там ночью упырь появляется.

– Молчать, воспитуемый Грат! Вот ты вторым и пойдёшь.

Ротмистр повернулся на каблуках:

– Воспитуемый Грат, ко мне! Что тебе известно об упыре?

Глава 1

В те дни, когда граница проходила по Голубой Змее, укрепрайон был гордостью Империи. Линия фортов у самого берега, пять рубежей обороны с орудиями в бронеколпаках и долговременными огневыми точками, уходившими на три этажа под землю, полтора метра напряжённого бетона надёжно укрывали амбразуры, старательно упрятанные в складках местности. Тоннельные железные дороги позволяли быстро перебрасывать людей и боеприпасы, а к штабному бункеру – сердцу обороны – тянулись кабели шифрованной связи. Укрепленный район считался образцом фортификационного искусства!

Вплоть до того дня, когда эскадра крейсерских бомбовозов адмирала Ниро обрушила на него два десятка ядерных боеголовок. Обычные бомбы повышенной мощности после этого никто уже не считал. К счастью, те дни войны ротмистр Тоот не застал. Тогда, потрясённый коварством гнусных изменников – хонтийцев и пандейцев, он закончил последний свой урок в мужской гимназии словами: «Больше я не стану рассказывать вам об истории страны, которую создали ваши деды. С сегодняшнего дня начинается история, которую делаете вы!»

Как он узнал много позже, его любимый первый выпуск весь, как один, отправился на вербовочный пункт записываться добровольцами. Зелёных юнцов определили в истребительный батальон принца Варди, а спустя неделю новобранцы были истреблены прорвавшимся в глубь имперской территории танковыми клиньями хонтийского десанта. С тех пор мысль, сможет ли вчерашний учитель истории выстрелить в живого человека, больше не донимала Атра. А вскоре второго лейтенанта Тоота догнала следующая недобрая весть. Остатки гарнизона Торнаты – центра укрепрайона на хонтийской границе, – не имея больше возможности держаться, подорвали фугасы, заложенные ещё при строительстве цитадели. Шестая бригада Легиона, где служил новоиспечённый лейтенант, в это время безуспешно пыталась разорвать кольцо окружения Торнаты. Больше месяца сводки о боях в хонтийском приграничье не сходили с первых полос газет.

«…Они приняли на себя первый удар коварного врага, – кричали передовицы, – и держались храбро и доблестно, даже когда это было превыше человеческих сил!»

Статью, описывающую последний бой цитадели, ротмистр перечитывал много раз, точно надеясь отыскать между строк что-то для себя очень важное, – гарнизоном Торнаты командовал его старший брат, полковник Ориен Тоот.

Старый мир рухнул.

– Воспитуемый Грат, ко мне! – холодно скомандовал Тоот.

Субтильный боец заградительной секции подскочил к офицеру и заученно доложил:

– Воспитуемый Грат прибыл по вашему приказанию!

– Повторяю вопрос. Что тебе известно об упыре?

– Что он бегает, говорят, – цепенея под тяжёлым взглядом, пролепетал Грат.

– По мнению специалистов, в частности известного биолога Грата, упыри не летают. – Ротмистр Тоот согнул кожаный стек. – Идёмте за мной!

Замершая с карабинами «на плечо» секция «Зета» с сожалением глядела вслед товарищу. Ротмистра Тоота не то чтобы не любили, глупо и смешно воспитуемым любить офицера Боевого Легиона, а опасались. Даже страшились. Высокий, худощавый, подтянутый, в чёрной форме и вычищенных до блеска сапогах, он появлялся, смотрел гипнотизирующим взглядом и отдавал команды чётко, словно лязгал затвор, досылая очередной патрон в патронник. Ротмистр никого не оскорблял, обращался на «вы», не требовал лишнего. Но боялись его куда больше, чем фельдфебеля – обладателя кулаков размером с пивную кружку.

Воспитуемый Грат, понурившись, плёлся за ротмистром. Вся секция гадала, чем обернётся для бедолаги неосторожно брошенная фраза.

Кабинет командира гарнизона базы был выдержан в духе традиционной суровой простоты: массивный дубовый стол, шкаф, сейф, оружейная стойка, над которой, воздев к потолку острие, стоял полутораручный меч с древним гербом рода Тоотов; таблицы на стенах, план расчистки укрепрайона, схема форта-базы – того, что осталось от некогда могучего щита Империи. Ротмистр сел на стул, один из двух, имевшихся в кабинете, и поднял глаза на бойца.

– Воспитуемый, в прошлом вы – зоолог. В том году вы приезжали сюда из столицы в составе экспедиции.

– Так точно, господин ротмистр!

– Вы изучали возможность использования упырей для несения пограничной службы.

– Видите ли, это была идея… – воспитуемый наткнулся на холодный взгляд Тоота. – Так точно, господин ротмистр!

– Ваша экспедиция не обнаружила ни одного упыря, вы зря разбазарили казённые деньги. На эти средства можно было месяц содержать десяток солдатских вдов и детей. Как после этого вы смеете запугивать личный состав секции нелепыми историями?! Вас следует отправить в карцер!

При упоминании карцера – железной трубы, заполненной до самого подбородка холодной водой, лицо допрашиваемого приобрело мертвенную бледность, но чувство научной правоты вытеснило крепко вбитый прикладами страх.

– Господин ротмистр, вы производите впечатление умного человека. Говорят, вы в прошлом были учителем!..

– Про упырей тоже говорят, – оборвал ротмистр.

– Послушайте же! Я вас уверяю, упыри – чрезвычайно сообразительные и осторожные твари. Они чуют людей и прячутся под землёй, когда человек ещё не в состоянии ни увидеть, ни услышать их.

– Прячутся?

– Так точно, прячутся.

– Везде прячутся, а у нас на базе бегают.

– Так говорят, – понимая, что сморозил нелепицу, вздохнул бывший зоолог.

– Вот что, Грат. На первый раз я не стану отправлять вас в карцер. Вы заступите в наряд на огнемётной позиции вместе с воспитуемым Шара. Если поутру, обходя Периметр, я обнаружу два загрызенных трупа, то поверю, что вы были правы, и предприму всё от меня зависящее, чтобы изловить и уничтожить свирепую тварь или тварей, сколько бы их там ни было. Но если вы останетесь живы и ещё раз обмолвитесь об упырях на базе – сгниёте в карцере. Это понятно?

– Так точно, господин ротмистр! – с облегчением вытянулся Грат.

Тоот поглядел на часы.

– До включения противобаллистической защиты три минуты двадцать три секунды. Бегом к секции! Не хватало, чтоб вы мне тут пол загадили!

Едва воспитуемый скрылся за дверью, ротмистр поднялся и в два шага перешёл в личные покои. Его, доблестного офицера Боевого Легиона, крайне раздражали сеансы лучевого перехвата. От них звенело в ушах и ломило виски. Атр вошёл в свою комнату, повернул ключ и позвал:

– Дрым, морда лохматая, ты где?

Дрым, огромный, покрытый длинной чёрной шерстью, вылез из-под металлической кровати. Треугольные уши на его непропорционально большой голове поднялись столбиком, будто выслушивая, как где-то далеко на башне противобаллистической защиты операторы возятся с оборудованием, контролируя включение спящих лучевых установок.

– Дрым, жалуются на тебя, собачатина ты ужасная! Говорят, ночью в укрепрайоне бегаешь.

Упырь оскалил пасть, как показалось ротмистру Тооту, в ухмылке. Неподготовленного человека от такой гримасы на огромной собачьей морде охватила бы оторопь. Особенно страшно было, когда зверь появлялся вдруг практически ниоткуда, вырастал посреди ночи сзади или чуть сбоку и сидел, вот так вот пристально глядя и ухмыляясь. И клыки в его пасти, белые, острые, величиной с палец, производили завораживающее впечатление.

– Ты зачем часовых пугаешь, зверюга?

Дрым расплылся в ещё более широкой улыбке и вывесил красный язык. Время от времени он и впрямь любил появиться где-нибудь на позиции, зевнуть этак во всё горло, демонстрируя свою роскошную пасть, и уставиться вопросительно на караульных. Те разбегались. Дрым же находил котелок с бобовой похлёбкой, опустошал его в два глотка и исчезал в ночной тьме. Зная аппетит чудовища, воспитуемые предпочитали остаться голодными, чем послужить ему ужином.

Тоот ощутил ломоту в висках, и в тот же миг гордость за свою несгибаемую славную державу наполнила сердце. Как бы ни ярились, как бы ни точили зубы хонтийцы и пандейцы, какие бы ни плели козни безумные мутанты из-за Голубой Змеи, какие бы ещё субмарины ни приплывали к нашим берегам из-за океана, недрогнувшей рукой, железным кулаком сметём и раскатаем!..

И как всегда, впереди будет острие меча Неизвестных Отцов – победоносный Боевой Легион.

– Вперёд, легионеры! – самозабвенно завопил он. – Железные ребята! – И тут поймал на себе печальный взгляд круглых глаз упыря.

Дрым поднял переднюю лапу, то ли подавая её, то ли приглашая сесть.

«А чего это я вдруг раскричался? – внезапно подумал ротмистр Тоот. – Боевой Легион, конечно, несгибаем, и врагам нас не одолеть, но кричать-то чего?»

Он устало опустился на табурет и подхватил ладонью мощную лапищу мохнатого друга.

– Привет-привет, кошмар ходячий. Ты сегодня наверх не бегай. Там один высоколобый, он тебя ещё в прошлом году искал.

Атр погладил зверя по спине. Отчего-то прикосновений к голове упырь терпеть не мог. В этот миг верхняя губа его нервно приподнималась, а оскал приобретал угрожающее выражение.

Два года назад старшина проходчиков секции «Дагма» перед самой отправкой на вечное поселение принёс командиру гарнизона подарочек из разбомблённого форта у старицы Голубой Змеи. Группа проходчиков наткнулась тогда на дохлую упыриху, неосторожно подставившую бок под оставшийся с войны замаскированный пулемёт флангового прикрытия. Техника сработала безукоризненно: стоило зверю пересечь линию огня, как сработала автоматическая гашетка. Изъеденный коррозией ствол разорвало на десятом выстреле, но четырёх пуль, способных развороти борт десантного бронетранспортёра, упырихе оказалось достаточно.

– Шерсть у них тёплая, – будто оправдываясь, пояснил старшина проходчиков, неловко протягивая крупного щенка. – Меховые рукавицы хорошие выйдут.

Он хотел ещё что-то добавить, но стушевался под взглядом ротмистра и сипло попросил разрешения отправляться в барак. Через три дня бедолага нарвался на мину-ловушку. А щенок так и прижился у ротмистра, давая повод легендам, одна страшнее другой.

– Ты один у меня друг и есть, – со вздохом проговорил Тоот, продолжая гладить спину упыря. – Жаль, что ты не разговариваешь, хоть бы словцом перекинулись.

Офицер прислушался: за окнами комендатуры слышались восторженная пальба и вдохновенные строки гимна легионеров. Ему вновь захотелось подхватить песню, но тут Дрым заскулил, вероятно требуя еды.

– Сейчас я распоряжусь, чтобы принесли, – Тоот улыбнулся. Пожалуй, за последние годы никто, кроме пса, не видел, как ротмистр улыбается. С упырем он чувствовал себя удиви-

тельно легко. Насупленная звериная морда напомнила ему шефа столичной школы субалтернов – бригадира Дрыма. Тот говорил: «Наша страна находится на глубочайшем подъёме. И хотя, массаракш, принятые нами меры увенчались безуспешными успехами, армия геройски наступает по врагу».

– Погоди, сейчас все успокоятся, накормим тебя.

Упырь развалился на полу, видом своим выражая неподдельную печаль. Обычно вопросы пропитания он решал сам, и, как заметил Тоот, это решение ощутимо сократило поголовье крыс на базе. Когда Дрым был ещё совсем щенком месяцев пяти от роду, он исчез впервые. Ротмистр вернулся после вечерней поверки и обнаружил, что дверь распахнута настежь и упыря нигде нет.

«Неужели я оставил замок открытым?» – подумал он.

Ночью щенок появился вполне довольный жизнью и улёгся спать под кроватью. На следующий день Тоот запер дверь, специально подёргал ручку и на всякий случай положил ключ от двери в сейф. К его возвращению дверь была заперта, но упырь отсутствовал. Ротмистр просто опешил от неожиданности, но, посидев минуты три спокойно, внезапно понял и, поняв, не поверил: под кроватью, скрытый камуфляжной панелью, находился люк подземного лаза в секретный бункер управления фортом. Отодвинуть панель – ещё ладно. Но вот набрать секретное число на кодовом замке люка – такого, пожалуй, не смогла бы сделать ни одна взрослая собака, не то что пятимесячный щенок. Но факт оставался фактом. Чуть свет Тоот услышал жизнерадостное фырканье под кроватью, затем оттуда показалась довольная морда Дрыма. Пока Тоот пытался назидательно вычитывать питомцу за несанкционированное проникновение на секретный объект, упырь демонстративно чесался, выкусывал блох, а затем улёгся спать, повернувшись хвостом к хозяину.

С той поры Дрым исчезал каждый день, и, вероятно, не было на базе никого, кто бы лучше него знал подземные коммуникации. Однако, словно чувствуя приближение сеансов лучевой защиты, пёс всякий раз оказывался на месте, должно быть понимая, что в эти минуты он особенно нужен своему хозяину.

Крики и стрельба за окнами стихли, ротмистр Тоот поднялся, вернулся в кабинет и услышал дробный стук в дверь.

– Входите! – скомандовал он, машинально проверяя, на все ли пуговицы застёгнут китель и ровно ли висит Пламенеющий Крест на груди.

Второй лейтенант Марч, не заставляя повторять, вошёл, щёлкнув каблуками у порога, и отрапортовал:

– Господин ротмистр, прибыла очередная партия воспитуемых. Численность ординарная – пятьдесят человек. Разрешите приступить к распределению по секциям?

– Разрешаю, – кивнул Тоот. – В секции «Дагма» сегодня трое не вернулись с Утиного Хвоста.

– Может, ещё выйдут, – с сомнением в голосе сказал лейтенант.

– Может, но вряд ли. Там на мысу противопехотных мин больше, чем у тебя конопушек. Так что зарезервируй троих в секцию «Дагма».

– Слушаюсь! – гаркнул рыжий офицер, продолжая оставаться на месте. – Осмелюсь доложить, энц ротмистр, один из воспитуемых из сегодняшней партии требует встречи с вами.

– Требует? – с неподдельным удивлением переспросил Тоот.

– Он ссылается на пункт 13.28 Приложения к Статуту Имперской войсковой службы. На всякий случай, – лейтенант Марч чуть замялся, – я принёс его дело.

Глава 2

Ротмистр Тоот уставился на первый лист папки личного дела воспитуемого Нила Кросса, механика колонны большегрузных автомобилей из Беллы. «Белла, это где-то на юге. До войны торговый порт, а теперь городишко, живущий в постоянном страхе перед обстрелами и десантами с белых субмарин. Интересно, чем там занимается колонна большегрузов? Впрочем, это не мое дело. Толковый механик всегда пригодится. Что он натворил? Сопротивление патрулю? Год исправительных работ. – Офицер ещё раз перечитал строчку приговора. – Точно, год исправительных работ. Значит, хорошо сопротивлялся. Мог бы и тремя месяцами отделаться. Если это, конечно, был не легионерский патруль… Но сюда-то он как попал? – Тоот перечитал несколько страниц и наткнулся взглядом на подшитое к делу прошение о переводе в укрепрайон, на Голубую Змею. – Что за бред? – Ротмистр хищно прищурил глаза. – Это что, глупая шутка какая-то? Всякому известно, что, согласно закону, год общих работ приравнен к четырем месяцам воспитательной службы на Голубой Змее, но чтобы кто-нибудь по доброй воле решился подать рапорт о переводе?! Это ж каким идиотом надо быть! Круглым – хоть циркуль сверяй!»

Тоот вернулся на первый лист и глянул на фотографию, потом ещё раз: мужчина средних лет, видавший виды, в лице что-то знакомое, но не понять, что. На правой скуле отчётливый след ожога.

«Нил Кросс, – повторил командир гарнизона, – имя не говорит ничего. Но, как ни посмотри, – на идиота воспитуемый никак не похож. Так, что ещё известно? В годы войны – механик в автоколонне, действительный рядовой, бои на побережье, ранения – ничего примечательного. Ожог, должно быть, как раз след ранения. Не идиот, не авантюрист, которого тянет играть со смертью, как обжору в сортир. Чем вызвано столь нелепое рвение?»

Тоот встал, поправил ремни портупеи, на всякий случай расстегнул кобуру и нажал кнопку вызова дежурного.

– Второй лейтенант Марг доставил воспитуемого?

– Так точно, ждёт в коридоре.

– Пусть войдёт. На всякий случай будьте поблизости.

– Слушаюсь! – отсалютовал рядовой.

«Что за птица?» – с интересом ожидал ротмистр. Его подспудно беспокоила одна странность. Одна из многих, которые он уже увидел в этом деле. Пункт 13.27 предписывал каждому солдату немедленно сообщать начальству имеющиеся у него сведения о пленных или попавших в окружение военнослужащих Империи. Пункт 13.28 требовал от войсковых начальников выслушивать подобные доклады, составлять протокол и подавать по инстанции. Это Положение действовало ещё до войны и в первый месяц великой бойни. Потом без лишнего шума о нём забыли. Тысячи, десятки тысяч тогда попадали в окружение и плен. Мерзавцы-хонтийцы, а за ними и пандейцы, прекрасно знавшие имперские Статуты, попросту начали отпускать попавших в их лапы перепуганных горе-вояк. Деморализованные окруженцы выстраивались очередями в штабах со своими недобрыми вестями, ломали чёткую работу командования, изматывали нервы молодых офицеров, вселяя в сердца панику, а в головы – мысль о неминуемом разгроме.

Новобранцы, призывавшиеся во вторую и третью очередь, во время краткого курса обучения уже ничего не слышали о пунктах 13.27 и 13.28. Судя по бумагам, Нил Кросс был из призыва третьей очереди и знать о них не мог.

Дежурный открыл дверь, пропуская воспитуемого.

– Вы хотели видеть меня?

– Так точно, господин ротмистр! – глядя поверх головы офицера преданным взглядом, гаркнул приведённый крепыш в застиранном грязно-сером комбинезоне.

– Слушаю вас, воспитуемый Нил Кросс, – удивляясь отменной выправке, холодно сказал Тоот. Он глядел на замершего механика, пытаясь сообразить, видел ли он его прежде, или же этот странный малый ему кого-то напоминает. – Слушаю вас. Судя по упомянутому пункту Статута, вы имеете ценную информацию.

– Так точно.

Ротмистр сел, положил перед собой лист бумаги и приготовился вести протокол.

– О ком же? – записывая дату и место опроса, уточнил он.

– О командире гарнизона крепости Торната полковнике Ориене Тооте.

– Что? – ротмистр от неожиданности выронил стило.

– О командире гарнизона крепости Торната полковнике Ориене Тооте, – не меняясь в лице, отчеканил воспитуемый.

– Что вам известно о моём брате? – Атр резко поднялся и подошёл вплотную к механику. – Вы ведь знаете, что это мой брат?

– Так точно, господин ротмистр! С вашего позволения разрешите заметить, на фотографии, что стоит на вашем столе, он третий слева.

Тоот почувствовал, что бледнеет. Семь лет назад, когда хонтийцы были отброшены за свои вонючие рубежи, он приехал на побывку к родному очагу. В Харраке род Тоота знал каждый. Они жили там без малого пять столетий. Их особняк стоял у столичного тракта, в пятнадцати минутах езды от ратушной площади. Их особняк стоял…

Пепелище, открывшееся взору ротмистра Тоота, не оставляло сомнения: крейсерский бомбовоз прицельно из пике обрушил на дом тонную бомбу. Не уцелел никто и почти ничего. Среди развалин Атр нашёл семейную реликвию – меч доблестного имперского коннетабля Рэя Тоота и обгоревший семейный альбом. На фотографии, стоявшей сейчас на столе, были изображены три поколения мужчин рода Тоотов, почти все в мундирах, при орденах и регалиях.

– Мы, Тооты, – воины, – когда-то поучал младшего брата Ориен. – Но в нашей ветви рода осталось лишь двое мужчин – ты и я. Скоро будет война, и кто-то должен выжить, а потому выбери себе мирную профессию.

Атр не мог ослушаться старшего брата, с детских лет заменившего ему отца и мать, и потому на снимке он был среди немногих в штатском. Сейчас почти все изображённые там мужчины были мертвы, другие числились пропавшими без вести. Последним оставался он, учитель истории мужской гимназии – ротмистр Тоот.

– Что вам известно о моём брате? – тихо повторил Атр, с удивлением слыша, как в груди отчаянно колотится сердце.

«Неужели он в плену? – стучало в голове. – Не может быть. Хотя почему не может? Фугасы фугасами, но всё же? Вдруг его нашли раненым или контуженым среди развалин цитадели и утащили с собой?»

– Три года назад, когда мы с ним расставались, он был жив и здоров, – тихо, словно позабыв о строгих требованиях субординации, проговорил Нил Кросс.

– Это ложь! Глупая, тупая ложь! – возмутился ротмистр. – Мой брат геройски погиб, взорвав цитадель вместе с хонтийцами, как только они туда ворвались. Могли бы лучше подготовить свой нелепый фарс! Об этом написано во всех учебниках истории!

Щёки Тоота горели, он не мог сообразить, чего желает больше: самолично застрелить негодяя или отправить на неделю в карцер.

– Как вы только осмелились!

– Господин ротмистр, вы всё ещё не узнали меня? – совсем уж не по Статуту спросил воспитуемый.

– Массаракш! Отчего это я вдруг должен вас узнать?!

– Когда-то на пустыре за уютным домом у столичного тракта я учил одного сообразительного юнца управлять бронеходом.

Атр замер на месте с занесённым стеком.

– Вахмистр Грас?!

– Так точно, господин ротмистр! Механик-водитель бронехода командира гарнизона цитадели Торната, Вал Грас!

Атр стоял с открытым ртом, не зная, что и сказать.

– Господин ротмистр, три года назад ваш брат и мой командир был жив, здоров, и, надеюсь, за это время с ним ничего не случилось.

– Это он послал вас? – пытаясь собраться с мыслями, спросил командир гарнизона.

– Так точно, вернее – никак нет! Ваш брат послал меня с заданием, которое я не по своей вине, но всё же бездарно провалил. Шанса вернуться у меня не было, полковник Тоот знал об этом. Но, отправляя меня на поверхность, от себя лично он попросил: «Если удастся выяснить, что сталось с моим братом, если вдруг он жив, расскажи ему обо мне». Вот я перед вами. Вы можете или поверить, или же прописать мне ещё пять лет весёлых забав на Голубой Змее за пользование фальшивыми документами.

– Ступайте, воспитуемый Кросс, – с трудом выдохнул ротмистр. – Передайте второму лейтенанту, что вы определены в хозяйственную секцию «Лата». Я вас вызову.

На вечерней поверке Тоот не мог думать ни о чём, кроме информации, полученной от бывшего вахмистра. Он стоял на крыльце переделанного в комендатуру блокгауза, рассеянно слушая доклады старшин секций и пытаясь найти взглядом в освещённой прожекторами толпе воспитуемого Граса.

«Брат жив. Поверить в это невозможно. Но как хочется поверить. – Тоот своими глазами видел и своими ногами обошёл руины Торнаты. Кажется, и крысы не могли выжить в этом огненном аду. – Невероятно, или всё же есть какой-то шанс? Грас что-то сказал, будто брат послал его на поверхность с заданием. Но почему? Неужели он не знает, что война победоносно завершена? Или же он полагает, что недостаточно храбро исполнил свой долг?.. Невероятно! И что такое говорил вахмистр, будто он не может вернуться?»

Вопросы короткими очередями атаковали показное спокойствие Тоота. Он слушал вполуха, что проходчики секции «Зэта» дошли до форта номер шесть третьей линии, при этом два человека убиты, один ранен. Что секция очистки «Дагма» обезвредила три фугаса, полсотни мин-скорпионов, а также подорвала самоходную баллисту, и всё это, не потеряв ни одного человека.

«А может, это всё-таки ложь? – крутилось в голове ротмистра. – Может, там наверху меня проверяют, верен ли я, чту ли Статут и повеления Неизвестных Отцов? Нет, здесь, похоже, всё не так просто. Надо приказать наблюдать за этим вахмистром, а завтра с утра устроить ему перекрестный допрос».

Тоот подумал, кому из двенадцати офицеров базы он может доверить роль ассистента в столь щекотливом деле. Он опять поймал себя на мысли, что верит в рассказ бывшего механика-водителя.

«А если он не врёт?! О Кроссе-Грасе лучше никому не знать. Надо разобраться самому, но как? – Тоот спохватился, увидев, что штаб-ротмистр Гага уже минуты три смотрит на него, ожидая распоряжения.

– Вольно! – как-то устало выдохнул Тоот. – Воспитуемых развести по баракам, патрули – на маршруты, караулам занять посты и огневые точки.

– Слушаюсь! – выпалил штабротмистр и чётко повернулся на каблуках.

– Старшину секции «Лата» ко мне! – вспоминая о недавнем желании установить наблюдение, в спину заместителю скомандовал ротмистр.

«Надо как-то отвлечься, – подумал он, шагая по коридору, – иначе навязчивая мысль взорвёт мозг. Жив или нет, как выяснить? Что делать?»

Старшина хозяйственной секции «Лата» не слишком облегчил терзания командира гарнизона. Сказать о новичке ему было почти нечего: механик толковый, скорее балагур, чем молчун, крепкий, но не злобный. Так, один из многих.

Тоот включил экран, что делал крайне редко, только когда из столицы торжественно объявляли о новых декретах Неизвестных Отцов или передавали сводку о присвоении наград и званий, о свежих назначениях и отставках. Сейчас ничего этого не было. На экране мелькали какие-то чудовищные существа, среди которых бегал некто в странном защитном снаряжении с непонятным, но, видно, эффективным оружием.

«На давешнего горца похож, – отфиксировал Тоот. – Ох и странные фантазии у них там в горах. Надо же такое вообразить!»

Ментаграмма оставалась на редкость дикой и нелепой. Какие-то странные уродцы, похожие на людей, но всё же не люди. С ними сражается герой. Вот он отскочил, схватил нелюдя за нижнюю челюсть, быстро задрал её и рубанул по горлу ребром ладони.

«Что-то не так в этой ментаграмме. – Ротмистр напрягся. – Какая-то нелепица. Что-то не так». Он мотнул головой, точно отгоняя сон. Но тут пульт взвыл сигналом тревоги и загорелась лампочка на карте укрепрайона. «Огнемётная позиция!» – вскочил Тоот.

Спустя мгновение ожил селектор.

– Господин ротмистр, докладывает воспитуемый Грат. Сработка упреждающей сигнализации на белом рубеже Периметра. Противник не опознан. Отстреляно две кассеты. Может, разведчики мутантов, может, тварь какая.

– Хорошо, – отозвался Тоот, – служите.

В голове его сам собою всплыл один из перлов бригадира Дрыма: «Часовые должны быть расставлены на расстоянии вытянутого выстрела друг от друга».

«Белый рубеж Периметра – дальние подступы, – отгоняя воспоминания, подумал Тоот. – Последнее время сволочи окончательно распоясались». Он даже для себя не стал уточнять, кого имеет в виду. В сущности, какая разница: мутанты из-за Голубой Змеи или же здешние неведомые современной науке монстры? «Каждую ночь повадились лазить. Порой и до красной линии доходят. Что ж дальше-то будет?»

Стоило ему об этом подумать, как лампочка на огнемётной позиции зажглась вновь. Тоот выждал положенные тридцать секунд – селектор не включался.

– Что ещё стряслось? – проворчал он и сам щёлкнул тумблером. Связь заработала, но вместо слов в динамике слышались крики ужаса и хлопки одиночных выстрелов. Из винтовки. Значит, прямо на позиции.

– Доложите обстановку! Что происходит?!

И вновь без ответа. Тоот схватил из стойки автомат, вогнал в гнездо толстую металлическую коробку магазина и рванулся из блокгауза.

«Неужели Дрым? Не послушал-таки?»

Ротмистр бежал, слыша, как воет сирена и выдвигается на огневой рубеж к огнемётной позиции группа тревоги. Он мчал со всех ног, понимая, что должен опередить её. Увидев перед собой упыря, легионеры, не раздумывая, начнут палить из всех стволов, пока не превратят лохматое чудище в решето.

Он ворвался на позицию первым, заученно поводя из стороны в сторону автоматным стволом, чтобы не упустить внезапно появившуюся цель. Два испуганных лица с разинутыми в немом крике ртами глядели на него, не в силах что-либо вразумительное ответить. Грат тыкал пальцем на длинный хобот огнемёта. Ротмистр глянул и в первый миг обмер, затем расхохотался, опуская автомат. Ничего более нелепого в этой ситуации и представить было нельзя: вокруг зелёной с пропалинами стальной трубы, всё плотнее сжимая кольца, обвивался

гривастый питон – безглазая тварь, воспринимающая мир при помощи своеобразной гривы на хребте. Почуяв тепло и вибрацию, эти мерзкие исчадия буквально выстреливают собой, как сжатая пружина, бьют по жертве костяным выростом-клювом, затем обвиваются вокруг «обеда» и пускают в ход добрую сотню присосок – крошечных пастей по всей длине тела.

Сейчас добычей гривастому питону стал разогревшийся после стрельбы ствол огнемёта.

– Молодцы! Повеселили! – хохотал Тоот, чувствуя, как уходит нервное напряжение сегодняшнего дня. Он повернулся, закидывая автомат за спину. И в тот же миг почувствовал, как приклад дёрнулся, получив удар крючковатого выроста, и грязно-бурое змеиное тело начало обвивать туловище и ноги. Отчаявшись поужинать огнемётом, питон нашёл себе новую добычу. Тоот почувствовал, что ещё миг, и кости его с хрустом переломятся в железных объятиях змея.

«Как нелепо, – едва успел подумать он, и тут ему показалось, что во тьме блеснули длинные клыки, что-то клацнуло над ухом, и змеиные кольца обвисли и спали наземь.

– Упырь! Упырь! – фальцетом взвизгнул Грат. – Упырь! Ну вы же видели, это был упырь!

Он тыкал пальцем в обезглавленное тело питона. Вокруг, переводя дыхание, толкались легионеры, не веря, что их командир вышел целым и почти невредимым из схватки с гривастым питоном.

– Вы видели?! Вы видели!

– Что-то тёмное, – неуверенно сказал второй лейтенант Марг, возвращая пистолет в кобуру. – Как тень мелькнуло и пропало куда-то.

– Я клянусь вам, господа. Это был упырь!

– Воспитуемый Грат! – растирая грудь и плечи, зло выдохнул ротмистр.

– Прошу извинить, господин ротмистр! На позиции огнемёта наблюдался упырь.

– Кто ещё может подтвердить?

– Голова питона исчезла, – как-то не в лад заметил один из легионеров.

– Может, и был, – почесал затылок второй лейтенант Марг. – Как бы там ни было, а следует доложить в столицу.

– Доложим, – буркнул Тоот и вдруг почувствовал, что теряет сознание.

Глава 3

Странник гнал своё нелепое угловатое железное чудище, которое местные жители самодовольно почитали средством передвижения, принимающим жёсткой подвеской все ухабы раздолбанной дороги. Конечно, можно было воспользоваться автомобилем Департамента или, пуще того, бронеходом начальствующего состава, но это бы привлекло лишнее внимание к его и без того заметной персоне. Лицо Странника, как всегда, было надменно и бесстрастно, но под ледяною оболочкой бушевало скрытое раздражение, почти негодование. Дело, которое заставило его покинуть столицу, было из ряда вон выходящим, как ни силился он убедить в обратном своих подчинённых и Неизвестных Отцов.

Нападение на танковый завод в Харраке представлялось какой-то дикой нелепицей. Во-первых, все источники в подполье как один молчали о подобной акции, и Странник готов был поклясться, что выродки ничего не знают о происшествии в Харраке. Да и не могли они напасть: атака произошла через две минуты после включения противобаллистической защиты, в то время, когда охваченные патриотическим угаром работники радостно воспевали мудрость Вождей и несгибаемую волю любимого ими народа.

Удар был нанесён стремительно, да и времени занял всего ничего. Сначала группа молодчиков в глухих, похожих на водолазные, шлемах захватила караульные помещения и пункт наблюдения. Охрана была обезоружена и скована наручниками. Затем вторая группа ворвалась в лабораторию подвижных излучателей, вынесла секретную документацию и какое-то оборудование. Дальше – больше: кто-то особо бдительный успел включить сигнализацию, и к заводу, ревя сиреной, устремился бронетранспортёр с полицейской группой быстрого реагирования. Почти у самого завода из окон полуразрушенного торгового центра по боевой машине открыл огонь автоматический гранатомёт. Когда же стражи порядка, самозабвенно продолжая славить Неведомых Отцов, попытались выбраться из раскуроченного железного гроба на колёсах, по ним с трёх сторон ударили автоматы. Двенадцать человек были уничтожены в считанные секунды. При осмотре места преступления на лёжках засады были обнаружены три отстрелянных магазина. Так называемых «толстых» магазина на шестьдесят патронов. Такие стояли на вооружении лишь Боевого Легиона. Как ни крути, на операцию подпольщиков этот налёт совершенно не похож – четко спланированная и прекрасно осуществлённая диверсионная операция. Но кем, чёрт возьми? Кем?!

Уничтожив бронетранспортёр с полицией, захватив документацию и оборудование, нападавшие скрылись неведомо куда. В первый момент в Харраке поползли слухи, что в город прокрались хонтийские диверсанты, но суровый окрик из столицы заставил газетчиков хранить молчание: на танковый завод не нападали, бронетранспортёр загорелся сам из-за неисправности двигателя. Всё. Точка. Дело закрыто.

Странник досадливо сжал зубы. В Департаменте, в его личной канцелярии имелась отдельная папка, именовавшаяся «Партизаны». Каждый год, каждый месяц заставлял разрастаться это и без того пухлое досье. Всякий раз атаки производились быстро, чётко и, главное, почти бесследно. Но что более всего раздражало Странника – он не мог уловить в действиях неведомых ему диверсантов какой-либо логики. Подпольщики время от времени устраивали акции возмездия, убивали того или иного военачальника или государственного чиновника, взрывали автомобиль с легионерами или уж, что считалось высшим пилотажем, выводили из строя одну из башен противобаллистической защиты. Здесь не было ничего подобного.

Вернее, не так: за партизанами числилось три захвата башен в прошлом году и один в этом. Официально все они были списаны на подпольщиков, но у Странника и его контрразведки не было ни малейшего сомнения, что подпольем здесь и не пахнет. Один и тот же сценарий: внезапный, чётко выверенный удар, захват и… Вот это самое «и» как раз и не давало

Страннику покоя. Создавалось ощущение, что, посидев несколько минут на башне-излучателе, неведомые бойцы уходили, ничего не взяв и не повредив. Но тогда зачем?!

Посланные на место преступления сотрудники обнаруживали следы перестрелки, упаковки от использованных перевязочных материалов – больше ничего и никого.

«Если они ничего не берут, – размышлял Странник, – вероятно, цель их противоположна. Возможно, они не снимают, а наоборот – ставят». Этого контрразведчики сказать не могли. Никто из них просто не в силах был разобраться в проводах и микросхемах. Для Странника оказалось неприятным открытием, что и дежурные техники, обслуживающие башни, тоже не в силах предложить однозначного вменяемого ответа. Всё, что они умели, – выбрасывать один блок из схемы и заменять его новым. Что это за блок, для чего он нужен – никто из них толком не знал. Логика подсказывала простое решение – призвать на помощь кого-нибудь из проектировщиков башен-излучателей, но совершенно неожиданно для себя Странник вдруг получил отказ. Аргументация Неизвестных Отцов была незамысловатой – башни работают, повреждений нет. Вполне можно предположить, что нападения – лишь провокация выродков-подпольщиков, направленная на то, чтобы похитить кого-нибудь из разработчиков ПБЗ и через них выйти на «святая святых» – передающий центр.

Логика в их словах была. Он, может, и согласился бы с таким решением, если бы захваты не повторялись вновь и вновь. Уж в третий-то раз можно догадаться, что никто из разработчиков не приедет. К чему рисковать снова и снова? Раз концы упорно не сходились с концами, оставалось одно: Неизвестные Отцы, а скорее всего сам Канцлер, прячут разработчиков не от выродков, а от него самого, начальника контрразведки. Этакая матрёшка. Тайна в тайне.

Харрак встретил Странника дорогами, предназначенными, скорее, для танков, чем для машин лёгкого класса.

Над кучами мусора время от времени встречались криво наклеенные плакаты с хорькообразной физиономией и бравурной надписью: «Мэр Керр Несс полностью очистит наш город». Везде и всегда физиономия глядела безумными глазами и отчего-то казалась выползшей из ближайшей кучи мусора. Странник поморщился. Наличие таких субъектов у власти однозначно свидетельствовало о том, что государство неизлечимо больно.

Громада танкового завода была оцеплена легионерами. На каждом углу – где стволом крупнокалиберного пулемёта, где пусковой аппарелью с кассетой противотанковых ракет – щетинилась бронетехника.

«Они что, здесь очумели? – подумал Странник. – Решили, что теперь партизаны пойдут на штурм завода развёрнутым строем при поддержке танков? Если была надежда отыскать какие-либо следы по округе – теперь можно о ней забыть».

Он едва успел нажать на тормоз – из-за разбитого торгового комплекса выехал, грохоча и коптя воздух, старенький бронеход и повернул башенку с тяжёлым пулемётом аккурат в сторону подъехавшего автомобиля. Шестеро легионеров с автоматами наперевес бросились к машине.

– Что вы делаете вблизи охраняемого секретного объекта?

Холодный взгляд Странника ожёг говорившего, точно его головой сунули в морозильную камеру.

– Кто начальник? – демонстрируя жетон, едва шевельнул губами Странник.

– Бригадир Луд! – поедая глазами невесть откуда взявшуюся большую шишку, прогорланил капрал. – Если позволите, почту за честь сопроводить вас к нему!

– Найду, – коротко ответил шеф контрразведки. – Уберите с дороги свою скобяную лавку!

– Слушаюсь, энц генерал!

Странник отвернулся и нажал педаль газа. Как и ожидалось, бригадир Луд с двумя помощниками вёл допрос в одном из кабинетов заводоуправления. На этот раз жертвой был какой-то понурый фельдфебель, давно выслуживший свой законный срок.

– Где ты стоял, ублюдок?

– Мой пост расположен во фланкирующем капонире, у спаренной пулемётной установки. Под моим началом состоят двенадцать нижних чинов, заместитель…

– Твоего заместителя мы допросим позже. Вы обязаны прикрывать ближние подступы к заводской проходной. Так или нет?

– Так точно, энц бригадир, – обречённо вздохнул фельдфебель.

– Где вы были в момент нападения?

– На боевой позиции.

– И что вы там делали? У вас обзор – полный круг, мёртвая зона – минимальна. Как вы умудрились просмотреть нападавших?

– Не могу знать. Они появились внезапно. Только мы закончили песню, тут вдруг двери настежь, врываются эти в глухих шлемах, автоматы наизготовку.

– Массаракш! Вша паскудная! – Бригадир Луд ударил кулаками по столу. – Как они оказались возле дверей? Ты что же, не понимаешь, о чём я тебя спрашиваю?!

– Не могу знать, энц бригадир!

– Я тебя заставлю говорить, изменник!

– Постойте. – Странник подошёл к столу, и бригадир с помощниками, узнав знакомую длинную фигуру, вскочили и вытянулись. – Расскажи о шлемах.

– Да что тут говорить, – со вздохом ответил фельдфебель. – Круглые шлемы. У каждого сбоку вроде антенна, лица не видно, стекло дымчатое.

– Они что-то говорили? Как-то приказали вам сложить оружие? Или вы сами с перепугу автоматы побросали?

– Никак нет, не побросали. Двое из наших попробовали даже с предохранителя их снять, но не успели. В решето их.

– Так что насчёт слов?

– Они говорили. Голос шёл как будто из груди. Там штуковина висела.

– Понятно, – оборвал его Странник. – Нарисовать сможешь?

– Попробую.

– Возьми бумагу, стило и тщательнейшим образом изобрази вчерашних диверсантов. Всё, что ты запомнил. Как можно подробнее.

– Слушаюсь! – расправил плечи фельдфебель.

– Бригадир, этого и всех, кто видел нападавших, ко мне. Где начальник лаборатории, на которую был совершен налёт?

– Он у себя, разбирается как раз. С ним первый лейтенант…

– Где лаборатория? – оборвал его Странник.

– Через двор налево, там дальше по аллее, за ней справа увидите двухэтажное здание.

– Ясно.

Начальник контрразведки вышел во двор и направился к тенистой аллее, придававшей унылому заводскому двору вид небольшого уютного сквера.

– Поберегись! – вдруг послышалось сбоку.

Странник отпрянул в сторону, и как нельзя кстати. Столетний зеленый великан с грохотом рухнул наземь.

– Что вы делаете? – подходя к лесорубам, спросил он.

– Вот, – один из пильщиков вытер пот со лба, – деревья валим. В целях безопасности.

– С какой целью? – Странник недоуменно поднял брови.

– В целях безопасности, – повторил работник, – мэр приказал. Там диверсанты прячутся.

– Вот как? – усмехнулся Странник. – Интересно, а откуда они там берутся?

Второй лесоруб, радуясь возможности передохнуть, пустился в разъяснения:

– Мэр сказал, они там растут. На лиственных – хонтийцы, а на хвойных – пандейцы.

– Нет, – вмешался его товарищ, – они из стволов выходят. Я точно запомнил!

– Что за чушь? – поморщился Странник.

– Никакая не чушь! – оскорбился первый лесоруб. – Мэру, ему виднее. А сам-то ты кто таков?

Штаб-врач Зогу измерил пульс, приложил два пальца ко лбу, потом зачем-то помял шею Тоота в районе сонной артерии, затем помолчал и изрёк глубокомысленно:

– Что ж, вам несказанно повезло. – Он отошёл от кровати за занавеску смотровой, и оттуда послышался звук льющейся воды. – Вам дважды повезло, господин ротмистр. В первую очередь, потому что гривастый питон долбанул своим гадским клювом не по макушке, как обычно, а по прикладу вашего автомата. Приклад, ясное дело, в щепы. И второе: большая часть пастей оказалась на мундире, который сшит, слава Творцу, из исключительно крепкой ткани. Так что у вас обнаружено всего два прокуса: один – в районе шеи, другой – на запястье правой руки, которой вы держали автомат. – Штаб-доктор вернулся к раненому. – Чуть больше бы точек контакта – и я вас, пожалуй, не откачал бы.

– Но ведь гривастые питоны не ядовиты, – едва шевеля губами, прошептал Тоот.

– Да. В привычном нам понимании не ядовиты. Та дрянь, которую они выделяют при укусе, даже полезна. Но только в очень-очень малых дозах. Это сильнейшее обезболивающее, а заодно и успокоительное. Жертва впадает в сонное оцепенение и перестает сопротивляться, только и всего. Дальше питон жрёт её всей сотней пастей.

Ротмистр поёжился.

– Энц бригадир уже самолично о вас справлялся, – продолжал говорить штаб-доктор. – Спрашивал, как ваше самочувствие, разрешены ли посещения. Я сказал, что уже лучше, после обеда он сможет вас навестить. Но! – Лекарь поднял указательный палец. – По моему квалифицированному мнению, вас следует как можно скорее отправить в столицу для детального обследования. В конце концов, не так часто мы имеем дело с человеком, выжившим после атаки гривастого питона. И личная от меня вам рекомендация… Вы ведь в прошлом году не отдыхали?

– Не до того было.

– И в этом тоже в отпуск ещё не ходили.

– Некогда, – делая попытку чуть приподняться на локте, ответил Тоот.

– Лежите, лежите. Покуда яд не начнёт рассасываться, ничего у вас не получится. Лежите, отдыхайте, ни о чём не волнуйтесь. Сейчас мы измерим тоны вашего сердца, а через пару часов снова возьмем кровь, гляну динамику изменений, и тогда смогу вам, энц ротмистр, ответить, что вас в ближайшее время ждет.

Штаб-врач Зогу откланялся, оставив ротмистра в полном одиночестве. Тоот лежал, закрыв глаза, и в голове у него бесконечной каруселью без связи и порядка крутились разрозненные картинки вчерашнего дня: упырь, вахмистр Грас, нелепая пальба на огнемётной позиции, снова вахмистр, но уже лет на пятнадцать моложе. Питон, обвивший ствол огнемёта, развалины Торнаты, брат, поздравляющий его с первым самостоятельным уроком в гимназии, вчерашний экран с идиотскими ментаграммами захваченного намедни горца с непроизносимым именем… Стоп! Ротмистр изо всех сил постарался остановить исчезающую из памяти картинку. Что-то не так! Ну конечно, не так! Обнаруженное несоответствие отчего-то вдруг развеселило его, захотелось вскочить и броситься спрашивать у всех, кто смотрел вчерашнюю передачу, заметили или нет? Всё вроде бы в ментаграмме было хорошо, красиво, зрелищно:

чудовище, человекообразные уродцы. Но тень! У всего и всех была двойная тень. Одна сильная, тёмная, другая едва заметная, чуть в стороне. Но всегда тени было две.

«Как же так? Что ж за напасть такая? Как только горцу этакий бред в голову пришёл?»

В дверь, неспешно пыхтя, подобно старенькому паровозу, вошёл, почти вкатился, комендант базы с объёмистым пакетом в руках. Ротмистр сделал непроизвольную попытку вскочить и встретить старшего по званию как подобает. Но тщетно.

– Лежите, Тоот, лежите, – сдвигая пылевую маску, прогудел бригадир. – Вы тут у нас герой. Кстати, друг мой, что за странную историю рассказывают? Будто бы в самый момент схватки, откуда ни возьмись, появился упырь, откусил голову этой мерзкой ползучей твари и пропал бесследно.

– Прошу извинить, – еле ворочая губами, ответил Тоот. – При всем почтении я этого не видел. И видеть не мог.

– Ну да, конечно, – утирая платком со лба пот, кивнул бригадир. – А вот солдаты видели. И воспитуемые тоже. Куда надо доложили. Там к тебе множество вопросов образовалось. Так что выздоравливай, становись на ноги и – в столицу.

– Слушаюсь, господин бригадир, – чуть слышно выдохнул Тоот.

– Вот, – бригадир достал из подмышки свой пакет и водрузил на тумбе возле кровати. – Здесь фрукты и пирожки от госпожи Идои. Моя жена считает вас настоящим героем.

– Это преувеличение.

– Ни к чему прибедняться. Вот, кушайте! Отменные фрукты, не волнуйтесь – не здешние. – Бригадир гулко засмеялся над собственной шуткой. – В общем, так, господин ротмистр. Штаб-доктор Зогу настаивает на продолжительном отпуске для вас, и я с ним согласен. Встанете на ноги, передадите командование гарнизоном штаб-ротмистру Гаге и езжайте в столицу. Когда тамошние умники вас отпустят – смело отдыхайте, развлекайтесь. В вашем распоряжении девяносто дней. Приказ ясен?

– Так точно!

– Просьбы имеются?

– Так точно! Разрешите перевести воспитуемого Кросса из секции «Лата» 114-го отряда на время моего отпуска ко мне денщиком и механиком-водителем.

– Воспитуемого? – не скрывая удивления, переспросил бригадир.

– Так точно, – с трудом шевеля языком от усталости, ответил Тоот. – Под мою ответственность.

– Что ж, под твою ответственность. Если он не выродок – конечно, забирай.

Глава 4

– Легионер может находиться в двух положениях, – говаривал, бывало, бригадир Дрым, – войны и подготовки к войне. Бывает ещё третье положение – это положение в гроб. О нём вы узнаете как-нибудь после занятий. Сейчас вас ожидают первые два.

Ротмистр Тоот гладил спину лежащего перед ним упыря, вспоминая давние занятия в школе субалтернофицеров.

– Ранение – это тоже подготовка к войне, – продолжал тогда бригадир Дрым. – И если вы, хлюпики, умывшись кровью, встанете и снова броситесь в бой – из вас выйдут настоящие легионеры; нет – ваше место в хозяйственном обозе: «Сейф! Равняйсь! Смирно!»

Верзила Дрым, в своей жизни гордившийся, казалось, лишь своим мужским естеством и службой в Легионе, вышагивал тогда перед строем новобранцев, держа стек зажатым в кожаной перчатке протеза запястья левой руки. Если что и заботило его – невозможность продолжать службу в боевых частях. Через месяц после выпуска Тоота он всё же добился отправки на фронт и, как рассказывали, геройски погиб где-то на побережье в бою с хонтийцами. Мог ли такой, как Дрым, погибнуть не геройски?

Слова первого наставника Тоот запомнил на всю жизнь. Сейчас он ещё чувствовал жуткую слабость, но знал, что способен превозмочь её, потому что нет на свете ничего, что могло бы остановить настоящего легионера. Нет ничего, чего не смог бы добиться легионер.

– Ловко это у тебя получилось, – продолжая беседовать с единственным другом, сказал ротмистр. – Спасибо, что ослушался меня тогда! Подоспей ты на мгновение раньше, я б себя, может, сейчас не чувствовал как мешок с дерьмом, а не подоспей вовсе – нам бы с тобой уже не беседовать. Спасибо тебе, Дрым!

Упырь скосил на говорившего большие внимательные глаза и облизнулся, словно намекая, что спасение спасением, а питонья голова послужила неплохим довеском к бобовой похлёбке.

– Тут видишь, какое дело, – продолжал Тоот. – Меня в столицу отправляют, потом в отпуск. Так что не будет меня. Долго не будет. Ты пойми верно, я тебя не бросаю. С собой бы взял, да только как? С базы тебя не вывезти. Вот если б ты меня по дороге за постами встретил… Да как объяснить тебе? Умел бы ты говорить, – ротмистр махнул рукой, – а то вот на всей базе мало у кого мозгов больше, чем у тебя, а что толку. Ладно, рожа мохнатая, я сюда прикажу сухой паёк положить, дверь запру, так что через ход ты сюда всегда попадёшь. Ты уж подожди меня, а я постараюсь вернуться побыстрее.

Упырь сел, и треугольные уши его поднялись столбиком.

– Идёт кто-то? – насторожился Тоот. Дрым недовольно заурчал и полез под кровать. Тоот поднялся, застегнул верхнюю пуговицу кителя и, опираясь на трость, вышел в кабинет.

– Энц ротмистр! – На пороге образовался дежуривший в канцелярии писарь Варибобу. – К вам старшина сто четырнадцатого отряда Зэф с воспитуемым. Говорит, вы их вызывали.

– Пусть войдут, – усаживаясь за стол, скомандовал Тоот. Коренастый рыжебородый воспитуемый Зэф, старшина их 114-го отряда, в прежние дни числился одним из известнейших столичных психиатров, да вот беда, оказался выродком. Втайне даже от самого себя к этому умнику Тоот испытывал почти дружеское расположение, хотя, уж конечно, какая может быть дружба между выродком и офицером Легиона.

За старшиной в кабинет бесшумно – старый легионерский навык – вошел Нил Кросс.

– Энц ротмистр, – начал Зэф, – воспитуемый Кросс доставлен в ваше распоряжение!

– Вижу, что доставлен, – напуская на лицо деланную суровость, проговорил Тоот. – Воспитуемый Кросс назначен ко мне механиком-водителем. Вот приказ о переводе. Выдать ему паёк на неделю и экипировать как рядового вспомогательного корпуса.

– С белой полосой? – на всякий случай уточнил Зэф.

– Конечно, с белой полосой, он же воспитуемый, – нахмурился ротмистр.

– Прошу извинить, не подумал.

– А следовало, – отрезал командир гарнизона. – Воспитуемый Кросс, выйдите!

Бывший вахмистр не замедлил с выполнением команды.

– Садитесь, Зэф! – то ли приказал, то ли попросил ротмистр. – Я хотел у вас спросить. Так, между прочим.

– Это касается психиатрии?

– Предположим, что нет. Предположим, что я хочу услышать ваше мнение как разумного человека.

– Благодарю за высокое мнение о моих способностях, господин ротмистр!

– Помнишь того горца, которого ты недавно обнаружил в зоне расчистки?

– Так точно!

– Недавно я видел передачу с его ментаграммой. Как по мне – больное воображение. Чудовища похлеще тех, что здесь, у Голубой Змеи, водятся. Но вот какое дело: у всех существ и предметов в его фантазиях двойная тень. Хотелось бы понять, как такое могло случиться?

Зэф поднял глаза в потолок.

– Конечно… – чуть помедлив, начал он, – можно представить себе такое странное раздвоение личности с едва ли не полным наложением ментальной картины. Человек как бы ощущает себя двумя людьми, идущими неподалёку друг от друга. Поэтому он и видит одно и то же, но под другим углом. Возможно, при этом первая картинка подавляет другую. В таком случае одна из теней должна быть слабее.

– Спасибо, Зэф. Вы мне очень помогли! – радуясь, что нашёл объяснение, улыбнулся Тоот.

– Но, честно говоря, – продолжал бывший психиатр, – если бы мне в прежние времена пришлось слышать о ком-либо с таким диагнозом, я бы решил, что он лжец.

– Почему?

– Крайне нетипичный случай. Но это, энц ротмистр, уже вопросы медицинской практики, которых я не имею права касаться.

– Верно. – Тоот начал складывать бумаги на столе в стопку, чтобы не смотреть на старшину. – Но ведь этот горец тоже весьма нетипичный случай.

– Ага, и вам так показалось? – радуясь возможности начать беседу, оживился Зэф. – Об этих горцах, конечно, мало что известно. Но, согласитесь, рисунки, которые он тут демонстрировал, свидетельствуют о высоком развитии того, что называется мелкая моторика.

Тоот поднял на собеседника суровый взгляд.

– Простите, энц ротмистр. Всё понял. Когда-то, ещё в прежние времена, я бывал в музее изобразительного искусства. Там сейчас Галерея Преданности. Так вот, я как раз попал на выставку горских мастеров. Картины очень яркие, но, как бы так сказать, простые. Это вообще свойство малоразвитых народов – игнорирование деталей и любовь к ярким цветовым пятнам. Рисунок же этого Мака Сима как раз, наоборот, очень точен в деталях, и ещё… – Зэф взволнованно поднялся со стула, – этот, с позволения сказать, горец умеет готовить и, по всему видно, хорошо готовит земляные клубни.

– К чему вы ведёте?

– Энц ротмистр, – почти с превосходством в голосе ответил бывший психиатр, – никто по обе стороны Голубой Змеи не станет есть земляные клубни! А уж в горах они и подавно не растут.

– Занятное наблюдение. И кто же, по-вашему, этот, – Тоот ухмыльнулся, – найдёныш?

– Признаться, не могу даже предположить. – Старшина запустил пятерню в огненно-рыжую бороду. – Он не относится ни к одному известному мне народу, что, как бы я посчитал

в прежние времена, невозможно. И ещё, у него очень устойчивая психика, хотя в то же время парень явно неадекватен.

– Вы говорите загадками, воспитуемый Зэф.

– Увы, для меня самого эти загадки без ответа.

– Ладно, оставим разговоры. Честное слово, Зэф, мне жаль, что вы, – Тоот замялся, – выродок. Лучше бы вам заниматься вашей странной находкой, а не фугасами на Территории укрепрайона.

– Полностью с вами согласен. – Бывший психиатр развёл руками и вновь вцепился в бороду.

– Ладно, старшина. – Ротмистр, опираясь на трость, поднялся с места. – Разговор окончен, через полчаса рядовой Кросс должен быть у крыльца блокгауза.

Командирский бронеход, лёгкая приёмистая «Куница», мчал по дороге, легко преодолевая колдобины, глубокие лужи и разбитые танковыми гусеницами участки трассы. Спаренный с камерой прожектор внешнего обзора быстро вращался на крыше штатного транспортного средства ротмистра Тоота, ежесекундно передавая на экран довольно чёткое изображение округи. Встроенный каталог давал возможность обнаружить попавшие в сферу обзора бомбомёт, орудие или вражеский танк.

Эта часть укрепрайона не зря считалась надёжно очищенной.

– Выезжаем за пределы Территории, – сообщил вахмистр Грас, указывая на экран. – Слева двести – блокпост.

Погруженный в свои мысли, Тоот кивнул и приказал сбавить ход. Выскочившие на дорогу легионеры, увидев командира гарнизона, замерли по стойке «смирно», поднеся ладонь к лихо сдвинутым набекрень беретам. Служба здесь считалась знаком особого благоволения, даже противопылевые маски тут носили в лучшем случае пять-шесть раз в месяц, когда ветер дул от Голубой Змеи. И потому чаще всего в наряде оказывались видавшие виды, прошедшие через огонь ветераны – цвет и гордость Легиона.

С улыбкой отсалютовав в ответ, Тоот для проформы отдал на проверку свои бумаги, и дежурный фельдфебель с сознанием выполнения торжественного ритуала тщательно изучил документ и перезвонил в комендатуру для сверки данных и сообщения времени, когда бронеход энца ротмистра покинул территорию базы. Покончив с этим, он пожелал командиру счастливого пути и хорошего отдыха в столице.

«Вот же славный парень, – подумал Тоот, чувствуя, как у него начинает звенеть в ушах. – С такими – в огонь и в воду! Такие – хребет нации, стержень народа! Пока они есть – нас не сломить!»

– Вам нехорошо, энц ротмистр? – участливо спросил Грас. – Вы побледнели.

– Всё нормально, это проклятый яд.

– Да, не повезло вам! – Вахмистр сбросил газ. – Я медленнее поеду, чтоб вас не растрясло.

Тоот нахмурился. Не хватало ещё какому-то воспитуемому жалеть меня, боевого офицера легиона, кавалера Пламенеющего Креста!

Атр собрался уже возмутиться, но усилием воли сдержал вспышку гнева и коротко выдавил:

– Рассказывайте!

– О чём, энц ротмистр?

– Дурацкий вопрос! – возмутился Тоот. – О брате, о вашем задании! Не о кулинарных же пристрастиях вашей бабки?!

– Тут ведь, энц ротмистр, вот какое дело, – на миг повернувшись к командиру, начал Вал Грас. – Я и сам мало что помню.

– Это ещё что за новости?! Темнить вздумал?!

– Никак нет! Я уже сказал, что провалил задание. Так оно и было, только не по своей воле провалил. Контузило меня. Вот теперь где-то помню, где-то нет, где-то – вижу и вспоминаю. Да вам это проверить – раз плюнуть.

– Говори, – хмуро глядя на подчинённого, процедил Тоот.

– Ваш брат послал меня с заданием организовать транспортную контору в Белле.

– Транспортную контору? Зачем?

– Не могу знать, энц ротмистр. Не помню, да и вряд ли ваш брат говорил мне об этом.

Тоот заскрипел зубами.

– Хорошо, что было дальше?

– Я натурализовался, устроился в одну компанию, которая возила рыбу из Беллы в Харрак, а обратно – всякие консервы. Во время одного из первых же рейсов такая вот незадача: огибаем мы горку, спускаемся к береговому шоссе – и тут на тебе! Всплывает прямо перед нами белая субмарина и ка-ак жахнет по нам! Снаряд почти у колеса взорвался, грузовик – в кювет, меня в окно выбросило, а товарища моего – в клочья. Когда нас обнаружили – ни субмарины, ни консервов, что мы везли.

– Похоже на засаду, – нахмурился Тоот. – Наверняка кто-то сообщил, что и когда вы повезёте.

– По всему видать, засада. Да только мне-то уже что, – он постучал по лбу, – контузия, и вот ещё следок на память. – Он коснулся пальцем ожога.

– Ладно, проверю. Что ещё ты помнишь?

– Обрывки всякие, почти ничего. Бункер. В нем какие-то люди и ваш брат, он отдаёт мне команду.

– Какой бункер? Какая команда?

– Не помню, господин ротмистр. Одно только скажу: ещё до войны под старой крепостью Торнаты делали новую, подземную цитадель. Аж до самого Харрака. Такие бункеры там строили – никакой бомбой не развалишь.

– Я был в Торнате после взрыва. Там не осталось ничего.

– От верхней крепости. От неё ничего остаться не должно было.

– Это я помню. Когда в крепость уже ворвались хонтийцы и начали поливать из огнемётов последний очаг нашей обороны, полковник Тоот распорядился взорвать фугасы. Батальона три вражеских полегло, не меньше.

Ротмистр закрыл глаза. Дурнота всё не уходила, но теперь к ней примешивалось воспоминание – картинка, выдернутая услужливой памятью: груды железа, ошмётки человеческих тел, какое-то брошенное исковерканное оружие.

– Этот вход намертво законопатили, – продолжал вахмистр. – Но были и другие.

– Где? Вспоминай! Где?

– Мне-то почём знать? Наверх всегда ночью выходили, а оттуда сразу на машины грузились. И обратно так же, ещё до рассвета. Поди, разбери, где находишься.

– Что делали?

– Не помню.

– Проклятье! Что ещё ты помнишь?

– Да почитай, ничего пока не вспомнил. Одно только сказать могу: возможно, где-то у Харрака выход имеется, не зря же вашего брата интересовал маршрут от Беллы…

– Домой, – себе под нос сказал Тоот.

Он хотел ещё что-то добавить, но не успел. Бронеход тряхнуло, заблокированные экстренным тормозом колодки надсадно взвизгнули, и возле экрана обзора загорелись кнопки «задний ход», «реверс», «постановка дымовой завесы», «пулемётный огонь».

– Энц ротмистр, – Вал Грас, выпучив глаза, указывал на экран. – Вы только гляньте, какая зверюга на обочине притаилась!

– Это Дрым, – улыбнулся ротмистр, – он поедет с нами.

– На упыря похож, – неуверенно сказал Грас. – Говорят, у них такие вот головы большие. И клыки, как черенок от ложки.

– Упырь и есть, – заверил Тоот. – Мой личный.

– Ого!

Бронеход медленно тронулся вперёд и остановился возле сидящего у обочины зверя.

– Он поедет с нами, – распорядился Тоот.

– В столицу?

– Да хоть в Островную Империю! И ты о нём будешь молчать, иначе – сам понимаешь.

– Как не понять? – Вахмистр с опасением поглядел на мощную тушу упыря. – Не укусит?

– Без команды – нет. Но пробовать не стоит. Открой десантное отделение.

– Сию минуту! – Грас соскочил на землю. – А если его кто в столице увидит?

– Если он не захочет, чтобы его увидели, его и не увидят. Уж можешь поверить. В шаге от тебя лежать будет – мимо пройдёшь, не заметишь.

– Давай, влезай! – скомандовал ротмистр.

Упырь нехотя подошёл к бронированной коробке, чихнул, изобразил на морде глубочайшее презрение и неспешно полез в довольно тесное пространство между шестью сиденьями для бойцов разведывательного звена. Тоот почувствовал, что появление друга резко подняло ему настроение. Он потрепал упыря по спине и улыбнулся, осознавая, что дурнота ушла сама собой.

– Энц ротмистр, позвольте вопрос.

– Задавай.

– А Дрым не в честь ли бригадира Дрыма?

– Именно в честь него, – рассмеялся легионер. – Вы что же, его знали?

– Доводилось, – кивнул Грас. – Вот только ничего о нём больше вспомнить не могу.

Форт столичной бригады, так называемой Стальной когорты боевого Легиона, располагался на окраине города, контролируя излучину реки. Тоот помнил её чистой, голубой, с прогулочными аллеями вдоль берега. Теперь на месте прозрачной некогда воды плескалась мутная зеленовато-бурая жижа, а плиты набережной, расколотые, кое-где стоящие почти ребром, давным-давно пробил и спрятал под собой шипастый кустарник, увешанный бурыми ядовитыми ягодами.

«Так ещё лучше, – подумал Тоот. – Если что, вражеской пехоте будет сложнее добраться до стен форта». Но потом вдруг отчётливо вспомнил, как гулял ещё с живым тогда отцом по тенистой набережной, и воздух был пропитан ароматом огромных белых соцветий, роскошно свисающих с веток. И от этого воспоминания ротмистру стало невыносимо грустно. Он сшиб тростью пучок бурых ягод с куста, и, как ему показалось, шипы тут же развернулись в его сторону. Тоот немного постоял, отгоняя мысли о былом, и зашагал в форт.

– Атр! – услышал он, едва переступив затоптанный порог офицерской столовой. – Ротмистр Тоот, извольте остановиться! – Навстречу ему, раскрыв объятия, спешил кряжистый офицер с лицом, точно сшитым из кусков обугленной кожи. – Что, не узнал? – хлопая по плечам Тоота, кричал офицер с такими же, как у него самого, нашивками. – Это же я, Чачу! Бат Чачу! Помнишь школу субалтернов?

– Чачу? – Тоот невольно мотнул головой, словно желая отогнать призрак. Не то чтобы он приятельствовал с этим горлопаном в годы совместной учёбы, но и не враждовал. В его памяти Чачу сохранился довольно миловидным деревенским парнем, кажется, сыном хозяина бойни.

– Вижу, моя новая рожа тебе не по вкусу? – каркающее засмеялся старый знакомец. – Прямо сказать, мне на неё тоже смотреть тошно. Но так лучше, чем совсем без головы. Легко отделался. Как считаешь? А я, представляешь, с утра заступаю дежурным офицером, – не давая

вставить бывшему сослуживцу ни слова, ротмистр Чачу ткнул в золотую повязку на рукаве, – и мне сообщают: с Голубой Змеи, из укрепрайона, приезжает некий Тоот. Я сразу и подумал – не ты ли? Комнату в общежитии я тебе приготовил, хоть сейчас заселяйся.

– Я снял дом. На окраине.

– Ах! Ну ты же всегда был аристократом. Извините, граф, дворец к вашему приезду возвести не успели. – Чачу рассмеялся собственной шутке и продолжил без всякого перехода: – Говорят, ты на Территориях гривастого питона голыми руками укокошил?

– Говорят, – скривился Тоот.

– Да ты не тушуйся, послушай, как звучит: Аттайр Питон Тоот. Массаракш! Аж душу выворачивает.

Герой схватки припомнил зеленовато-бурую, всю в мелких оскаленных пастях живую кишку и брезгливо поморщился.

– Я к вам парня посылал, – начал он, чтобы перевести разговор. – Гая Гаала. Как он тебе?

– Отличный боец! Просто отличный. Стальной парень! Сразу видно, чья школа, – Чачу ткнул кулаком Тоота под ребра. – Да вон, глянь в окно, они как раз сейчас на плацу маршируют.

Из-за поднятых бронезаслонок в офицерскую столовую врывались будоражащие сердце звуки марша легионеров. Тоот и Чачу облокотились о подоконник.

– Вон, в третьей шеренге.

Взгляд ротмистра Тоота выхватил из строя своего подчинённого и… Атр тряхнул головой, думая, что обознался.

– Чачу, это у тебя кто? Рядом с Гаалом.

– Гигант-то? О!! Это особая история. Горец один. Мак Сим. Его твой подопечный в легион рекомендовал. Тоже, если блажь выбить, может отличный боец получиться.

Глава 5

Странник потрогал указательным пальцем рваный край пробоины. Бронированная дверь, закрывавшая вход в лабораторию, ещё вчера, верно, представлялась надёжной защитой. Пятнадцать сантиметров отличной танковой брони, мудрёный кодовый замок, массивные стержни, запирающие вход, – по три вперёд, вверх и вниз. Мощные петли… Сейчас дверь напоминала огромную закопчённую почтовую марку с неровной перфорацией на месте выдранных с корнем засовов.

«Тот, кто ставил заряды, несомненно, знал, что делает. Вес каждого взрывного устройства рассчитан идеально: ни тебе перекоса, ни вырванной двери. И расположение блокирующих механизмов вычислено точно, можно держать пари, отрепетировано загодя. Ювелирная работа».

Он кивнул стоящему рядом с дверью легионеру, и тот с натугой потянул искорёженную броневую плиту на себя. В помещении лаборатории уже хлопотали дознаватели прокуратуры.

«Привет от Умника, – скривился шеф контрразведки. – Интересно, кому по этому делу Дворец Юстиции намерен предъявлять обвинения?»

– Все материалы передадите мне, – проходя мимо дознавателей, через плечо бросил Странник.

– Но… – попробовал возразить один из сотрудников прокуратуры.

– Отставить «но». Дело проходит под грифом «совершенно секретно». Передаёте мне все, что накопали, и убираетесь в туманную даль, по дороге забывая, где были и что видели. Вопросы?

– Никак нет.

Он повернулся к стоявшему поодаль офицеру Легиона, олицетворявшему собой неусыпный контроль вкупе с безопасностью.

– Лейтенант, проследите, чтобы посторонние немедленно покинули секретный объект.

Молодой офицер, увидев документы шефа контрразведки, звонче обычного щёлкнул каблуками и принялся алчно поедать глазами начальственную лысину.

– Юноша, оставьте любование мной, займитесь этими пронырами. Если вдруг кто-либо из них прихватит с собой хоть малюсенькую улику, самый крошечный вещдок, вы маршевым шагом отправитесь командовать взводом «носителей молний» на Голубую Змею.

– Слушаюсь! – рявкнул офицер, ясно представивший картину службы нос к носу с кровожадными мутантами.

– Где начальник лаборатории?

– Он там, – махнул лейтенант, – в кабинете. Пьет успокоительное. Все никак не может прийти в себя.

Дверь кабинета была нараспашку, хотя кодовый замок вовсе не казался повреждённым. Странник хмыкнул, поглядев на столь безответственное нарушение распорядка внутренней безопасности, и спрятал в карман свой универсальный ключ – открывать здесь было нечего.

За массивным столом, не обращая на вошедшего никакого внимания, покачиваясь из стороны в сторону, сидел грузный мужчина средних лет.

– Вы – начальник лаборатории? – произнес Странник. Ему пришлось дважды повторить этот вопрос, прежде чем из-под нависших бровей, словно только обнаружив незваного гостя, на него глянули выцветшие серые глаза.

– А? Что?

– Я спросил: вы – начальник лаборатории?

– Был. Был начальник, – патетически выдохнул толстяк и уронил голову на грудь. – Теперь конец: ни лаборатории, ни начальника. Всё произошло так внезапно. Впрочем, я уже рассказывал вашим коллегам.

– То, как всё происходило, мы обсудим позже. Сейчас меня больше интересует другое: для чего была проведена эта операция?

– Чтобы нанести удар по обороноспособности нашей державы, – заученно ответил его собеседник.

– Предположим, – скривился контрразведчик. – Но какой удар? Ответьте мне чётко и без обиняков: чем занималась лаборатория?

– Я не имею права об этом рассказывать.

– Милейший, вы соображаете, с кем разговариваете?! Как это не имеете?

– Вы из прокуратуры?

– Ни в малейшей степени. – Странник протянул бедолаге удостоверение.

– О, простите! Но я всё равно должен позвонить и сообщить о нашем разговоре. – Начальник лаборатории ткнул пальцем в потолок.

– Считайте, что вы уже сообщили. В любом случае эта информация придёт именно ко мне.

– Простите ещё раз.

– Итак, я жду.

– Лаборатория занималась исследованиями и практическими разработками по теме «Горящие стрелы».

Странник молча глядел на своего визави, ожидая продолжения.

– Это излучатели на шасси танков прорыва «Дракон». Фазированные излучатели. Как бы это объяснить… Вот вы представляете себе лампочку, обычную лампочку?

– Конечно.

– Она излучает свет и тепло вокруг себя. В нашем случае, если мы блокируем излучение по большей части поверхности, то имеем возможность значительно повысить коэффициент полезного действия и сфокусировать поток энергии в сравнительно узком секторе. Таким образом, дальность поражения вырастает почти в десять раз. Мы в силах достать, скажем, штаб вражеского корпуса далеко за линией фронта, если, конечно, будем знать его координаты. Вернее. – Толстяк вновь глубоко вздохнул и печально опустил глаза. – Теперь всё, что было наработано за много лет упорнейших самоотверженных трудов, – бах, и коту под хвост!

– Вы сказали «блокировать излучения»? – переспросил Странник. – Но ведь это невозможно.

Начальник лаборатории снисходительно сверху вниз посмотрел на тощую долговязую фигуру собеседника.

– Для науки, почтеннейший, не существует невозможного. Есть маловероятное и труднодостижимое. Защита от излучения была одной из основных тем ещё перед войной, в то время как гениальный Каун Сатар только начал говорить о практическом использовании своих открытий в области влияния альфа-лучей на психосоматические реакции. Да, сейчас защита на фазированных секторных излучателях ещё далека от совершенства. Мы смогли только ослабить проницаемость защитных панелей на тридцать – тридцать пять процентов. Но даже это позволяло говорить нам о появлении настоящего чудо-оружия. Увы, если бы в начале войны Сатар не пропал без вести, нас бы ждал величайший прорыв в этой области науки и технологии. Но я, его верный ученик и продолжатель, даже здесь, среди этого… – ученый муж обвёл помещение рукой, – хаоса, не оставлю работы, начатой моим гениальным предшественником. Мы начнем все сначала! Хотя нет, не сначала – ведь голова-то…

– Да, с головой всё в порядке, – перебил Странник. – Вот напрягите её и ответьте, каким образом неизвестным нам пока диверсантам удалось разузнать о сути проекта «Горящие

стрелы»? Каким образом им стали известны детали охраны совершенно секретного объекта? И каким образом плоды ваших исследований могут использовать наши враги как в Хонти, так и в Пандее, учитывая то, что у этих гнусных агрессоров вообще нет излучателей противобаллистической защиты?

– Я не знаю. – В выцветших глазах начальника лаборатории обозначился страх. – Если вы намекаете… Если вы думаете о ком-то из наших сотрудников, то они проверены много раз. Это честные верноподданные, ни одного выродка. Они свято чтут Неизвестных Отцов и…

– И всё же информация проникла туда, куда не должна была проникнуть, – холодно глядя на собеседника, жестко отчеканил Странник. – Надеюсь, личные дела сотрудников лаборатории хранились не здесь?

– Нет.

– Вот и прекрасно. Распорядитесь доставить их в мой кабинет в башне заводоуправления.

– Да, да. Конечно, – засуетился толстяк. – Как скажете.

– Вот оно, значит, как, – пробормотал себе под нос Странник, выходя из лаборатории. – Под шумок учёные мужи занимаются вопросами защиты от излучения и при этом рядом никакого выродка. Занятная история. И ещё эти шлемы…

Взгляд его остановился на замершем лейтенанте.

– Ступай-ка, парень, сообщи, что заместитель директора по безопасности уволен без выходного пособия. Дальше им займется Дворец Юстиции. Пусть в башне заводоуправления оборудуют кабинет для меня.

Он поглядел своими круглыми зелёными глазами в спину удаляющегося офицера и пробормотал себе под нос: «Интересно, люди Умника знали, что именно здесь ищут?»

Медик в светло-голубом мундире военврача второго ранга, опустив на переносицу очки-велосипед, вперил глаза в длинную бумажную ленту, выползающую из прибора.

– Что можно сказать? Определённые изменения есть, но не патологические. – Он подошёл к столу, глянул в раскрытую медицинскую карту Тоота. – Да, не патологические. Нам следует оценить процесс в динамике. Скажите, вы давно отдыхали?

– Был в отпуске в позапрошлом году, – чётко отрапортовал ротмистр. – Но добровольно вызвался провести его в тренировочном лагере «Заата» курсовым офицером для новобранцев Легиона.

– Похвально, – продолжая сверять кривые на обеих лентах, кивнул врач. – И всё же отдыхать следует. Даже таким несгибаемым парням, как наши бравые легионеры. – Он посмотрел на первую страницу медицинской карты. – Вы родом из Харрака?

– Так точно.

– Я там бывал когда-то, ещё до войны. Замечательный город, много зелени, красивые дома. Не то что наша дыра. В прежние времена я бы вам посоветовал отправляться на побережье: отдохнуть, повеселиться. Но сейчас там уже и не отдохнёшь. Езжайте в Харрак. Если с самочувствием всё будет нормально, раз в неделю отмечайтесь у гарнизонного врача. Я напишу вам сопроводительную записку. Ну а ежели вдруг что, сразу ко мне. Отравление, братец, штука серьезная. Шутить с этим нельзя.

Тоот щёлкнул каблуками.

– Разрешите идти?

– Идите, голубчик. Через полчаса получите направление и проездные документы. Как там было у Шерана? – Военврач поднял глаза к потолку. – И Харрак мой в зелёном покрывале, как дева у реки, – невинна и нежна…Признаться, завидую вам. Страсть как хочется уехать из столицы в какой-нибудь очаровательный лесистый уголок.

Тоот слушал речь военврача, и перед глазами его снова вставала картина глубокой воронки на месте родового особняка.

– Всё, идите-идите. Не смею вас задерживать.

Две колонны, похожие на обглоданные куриные лапы, уныло торчали у въезда в город. Поперек трассы плескал по ветру транспарант с выцветшей надписью: «Харрак, город Серебристой реки, приветствует вас!» Тоот невольно улыбнулся. Ему вдруг отчётливо вспомнилось, как проводил он в гимназии уроки любви к Отечеству. По утверждению местных учёных, именно здесь появилось и широко использовалось первое колесо. От берегов Серебристой реки, так и переводилось название города с языка давно исчезнувшего, но великого народа инаиров, и началось триумфальное шествие запряженных турами боевых повозок будущей Империи.

Тоот до мельчайших подробностей помнил, как, стоя у доски, с воодушевлением рассказывал замершему классу легенду о прекрасной Нее-Тее, дочери князя инаиров. Когда из Великой Бездны пришёл сюда Ужасный Смертоносный зверь и стал требовать себе жертву, грозя уничтожить всех жителей, НееТее, надев свои великолепные зелёные одежды – знак высокородности, вышла на берег Серебристой реки и гордо стала перед ним у самого обрыва. И когда Ужасный Смертоносный зверь прыгнул, княжеская дочь бросилась в воду с кручи, увлекая за собой чудовище. Но Лучезарный Творец, приходящий всякое утро из глубин Сущего, не принял кровавую жертву и обратил девушку в зелёное дерево. В какое именно, за давностью лет забылось. Но с тех пор рубка любого из них была связана с целым обрядом, чтобы вдруг не ранить спасительницу города или её потомков.

Мощная «Куница» с рёвом неслась по полупустой трассе. В прежние времена здесь проходил основной путь от столицы к берегу теплого моря, к многочисленным роскошным курортам и морским базам славного имперского флота. Тогда у Империи ещё был славный флот и ещё были трассы. Тоот глянул на сосредоточенное лицо вахмистра Граса. Чтобы ехать без приключений по этому слабому подобию дорог, нужно было иметь большой опыт, крепкие нервы и ещё более крепкие подвески.

– Постой! – скомандовал ротмистр. – Что это там такое? – Он указал на экран.

– Деревья рубят, – отозвался Вал Грас.

– Я вижу. Здесь нельзя рубить деревья, это парк Нее-Тее. Священное место. Останови.

Бронеход затормозил у просеки, и Тоот вылез из машины.

– Что здесь происходит? – поставленным командирским голосом рявкнул он.

Люди с пилами дёрнулись, как будто их обожгло бичом, и повернули к офицеру бессмысленные пустые глаза.

– Шпионы Хонти… Дорога… приказ… – бессвязно лепетали они, глядя на легионера недобро, но опасливо.

– А ну, чего стали? Работать! – послышался из леса злобный окрик. Лесорубы снова дернулись и вернулись к прерванному занятию. – Что вы тут делаете, энц ротмистр? – Из-за деревьев на просеку вышел человек в чёрном, почти легионерском комбинезоне, но без знаков различия и вообще каких-либо знаков.

– Массаракш! Дерьмо крысиное, как стоишь перед легионером?! – расстегивая кобуру, процедил Тоот.

– Виноват. Тут специальный объект! Пускать никого не велено.

– Куда не велено пускать? Это парк Нее-Тее, священная земля!

– Не могу знать. Господин мэр велел рубить деревья, там родятся шпионы.

– Что за бред?!

– Это не бред! – возмутился надсмотрщик. – Это веление свыше! «Мэр Керр Несс – очистит город от всего! Долой хонтийскую нечисть и пандейскую мразь! Здесь проляжет дорога в светлое будущее!»

– Бред! Какой бред!

Тоот развернулся и пошёл к бронеходу.

– Прикажете ехать дальше, господин ротмистр?

– Да. Найдем гостиницу получше. Не понимаю, что происходит с городом. Какой-то выживший из ума мэр городит нелепость на нелепости, и ему это сходит с рук. Даже не просто сходит с рук – есть недоумки, которые ему верят.

– Это не называется верят, – не отрываясь от трассы, кинул Вал Грас. – А выжить из ума может лишь тот, кто в нём когда-то был. Впрочем, чем безумнее звучит приказ, тем более всякого рода дурням кажется, что он мудр и полон тайного смысла.

– Что это вы городите? – одёрнул его Тоот. – Приказы всегда исполнены мудрости и здравого смысла!

– Простите, господин ротмистр, к слову пришлось.

– Вот и попридержи язык, чтоб не приходилось, – огрызнулся легионер.

Какое-то время они ехали молча. Тоот вдруг вспомнил, как дивизионный генерал Кули решил захватить город силами танкового полка. На одной из тихих улиц колонна броневых чудовищ попала в огненную западню: первая и последняя машины запылали, как факелы, в один момент. После чего хонтийские гранатомётчики, не церемонясь, расстреливали зажатые в теснине боевые машины на выбор, как в тире. От этого воспоминания настроение его окончательно испортилось. Приносить извинения воспитуемому мешала офицерская гордость, а твердить о мудрости приказов – боевой опыт.

– Не узнаю города, – чтобы как-то разрядить обстановку, начал Тоот. – Столько всего разрушено, а что не разрушено, того и гляди развалится. Хотя вот, это новые здания. – Он указал на причудливые коробки с окнами во всю стену. – Как думаете, Грас, кому нужны такие большие окна?

– Что тут непонятного? Чтобы муниципальным стражам с улицы было видно, не замышляется ли какой заговор.

Бронеход миновал улицу Дивизий Прорыва. Здесь на стеле с изображением рвущихся в атаку армейцев и легионеров значился номер его славной 6-й бригады. Когда-то отсюда было рукой подать до особняка Тоотов.

– Кажется, тут где-то дом ваш стоял? – словно прочитав мысли командира, бросил Грас. – Красивый дом был.

– Был, – мрачно согласился ротмистр, глядя в другую сторону. – А ну, постой! Остановись-ка вон у того здания.

Тоот чуть заметно одними губами усмехнулся, не веря глазам. Среди всеобщего запустения и разрухи не слишком радостно, но вполне благопристойно, чисто отмытыми окнами смотрела на улицу его гимназия.

– Надо же, уцелела! – пробормотал он. Бронеход въехал во двор и замер у крыльца.

– Погодите, Грас. Я недолго. Погляжу, что как, и сразу вернусь.

– Конечно, конечно, господин ротмистр. Я понимаю, не беспокойтесь.

Тоот медленно поднялся по ступеням, точно ожидая, что справа на первом этаже откроется окно и бессменный директор гимназии Кеф Рич прикрикнет насмешливо: «Ученик Тоот, проснись, ты уже пришел!» Окно не открылось. Охранник у двери, увидев вошедшего офицера, застыл по стойке «смирно» и поспешил осведомиться, кого следует вызывать.

– Никого, – мотнул головой Тоот. – Да вы успокойтесь. Я тут сам учился, а потом, ещё до войны, преподавал. Пройдусь, гляну и уйду.

Он шёл по коридорам, когда-то представлявшимся ему почти бесконечными, и поражался, насколько они видятся ему теперь маленькими и тесными.

– А вот здесь был мой кабинет, – прошептал он и, сам толком не осознавая, что делает, потянул дверь на себя.

– …И лишь тогда, когда Эран IV короновался венцом государя Пандеи, страна получила статус Империи и сам Эран уже начал именоваться Всемилостивейшим императором Эраном I Объединителем…

Молодая преподавательница, втолковывающая дремлющему классу историю былых времен, услышав скрип открываемой двери, рассерженно повернулась, чтобы призвать к ответу опоздавшего, но вдруг глаза её, и без того большие, распахнулись, она ойкнула и громко объявила:

– Посмотрите, дети, кто у нас сегодня в гостях! Это же герой войны! Офицер шестой бригады, второй дивизии прорыва, ротмистр Боевого Легиона, кавалер Пламенеющего Креста… И бывший учитель нашей гимназии, – она сделала паузу, – Аттайр Тоот! Дети, если мы с вами попросим, энц ротмистр наверняка расскажет вам о своих подвигах. Заходите же, прошу вас!

Глава 6

Вскочившие из-за парт дети грянули «Благодарственную песню» и с восторгом уставились на офицера в чёрном с иголочки мундире с алым крестом напротив сердца. Тоот вдруг почувствовал, что ему как-то неловко входить в собственный класс. Как будто, не выучив урок, он пытался прогулять занятие, но был изловлен и поставлен отвечать у доски. Он набрал воздуха в грудь, но, как назло, в голове крутилась только очередная историческая фраза бригадира Дрыма: «Если какая-нибудь хихикающая падаль скажет вам, что каска деформирует мозг, запомните и на носу своём зарубите – мозг деформирует отсутствие каски на голове в нужный момент».

– Расскажите о своих подвигах, – напомнила миловидная учительница.

– Подвиги? – смущаясь, переспросил Тоот, пытаясь вспомнить что-либо такое, о чём следовало бы поведать ученикам. По всему выходило, что о подвигах гимназистам лучше не знать. Он ещё раз озадаченно прокрутил в уме, год за годом, кусок своей жизни – от вступления добровольцем в действующую армию до сегодняшнего дня. Пожалуй, единственным приятным воспоминанием был его упырь, верно и терпеливо сносящий путешествия в бронированной коробке, безропотно сменивший приволье Территории на хлопотную дорогу невесть куда.

– Вот, к примеру, – желая помочь «коллеге», вновь заговорила учительница, отчего-то краснея и поправляя локон, – за что вы получили Пламенеющий Крест?

– Мы выбили хонтийцев из Волчьей Пасти и удерживали её до подхода основных сил, – почти отрапортовал ротмистр. Он припомнил вдруг те дни. Вернее, не припомнил, а разрешил памяти показать то, что хотел забыть. До войны Волчья Пасть называлась Долиной Чудес. В доисторические времена бурный поток, клокоча, пробил себе широкое русло в скалистом хребте Гараны, разрубив его почти пополам. Со временем река обмелела, оставив на месте рокочущих волн, сокрушающих горные кручи, небольшую студеную речушку, извивающуюся в обрывистых берегах. Вода и ветер создали в этой долине великое множество нерукотворных статуй, полюбоваться которыми съезжались как из Метрополии, так и из Хонти. Перед войной граница между этими двумя частями Империи проходила именно там, по Долине Чудес.

Когда штабные стратеги вдруг поняли, что, ударив через эту долину, они отрежут вражескую столицу от моря, на совершенно секретных картах появилась красная стрелка, идущая путём давешнего могучего потока. Однако хонтийские генералы учились в той же Академии, и потому разноцветные стрелки на картах встретились среди камней в Долине Чудес, обернувшись реальными стрелковыми частями.

Бои начались в октябре. Как писали в сводках – упорные и кровопролитные. Огневые валы перекатывались от одного конца долины к другому, затем обратно, потом наоборот – и так раз за разом. Ноябрь был снежным, едва ли не каждое утро глазам бойцов представало белое, как тетрадный лист, снежное поле, а к вечеру оно опять становилось кроваво-бурым в черных пропалинах.

Тоот и вся его бригада прибыли на этот участок фронта в апреле, когда наваливший за зиму снег начал сходить, обнажая штабеля неубранных трупов: в самом низу – оливково-зеленые мундиры хонтийских горных стрелков и зелёно-бурые имперцев и выше – чёрные, серые, бурые, серые с белой полосой на спине. Тоот даже примерно не мог сказать, сколько тысяч солдат лежало вот так, окоченев, без погребения, в Долине Чудес. Впрочем, язык уже не поворачивался называть её этим звонким именем. Величественные скальные монументы, прежде радовавшие глаз, были расколоты огнём тяжёлой артиллерии и бомбовыми налётами и кое-где торчали острыми хищными обломками в окровавленном крошеве, точь-в-точь клыки в волчьей пасти.

Полуроте первого лейтенанта Тоота после решающего штурма было поручено удерживать один из таких скальных обломков. Зачем и кому он был нужен, Тоот не знал, но приказ есть приказ. Промёрзшая земля не поддавалась – окопов не вырыть. Бруствер пришлось сооружать из лежавших тут же закоченелых мёртвых тел. С рассвета хонтийцы пошли в бой и четырежды были отброшены легионерами от каменного зуба. Затем все стихло. Тоот слышал, как где-то вдалеке ревели танковые моторы, осматривал свою поредевшую в бою полуроту и понимал, что и следующая атака вряд ли станет последней. Разве что поверх оттаявших штабелей появится новый чёрный слой бойцов 6-й бригады Легиона… Но, пока укрепляли позицию и оттаскивали раненых, произошло невероятное: между горными осколками появилось белое полотнище, и вышедший на стрелковую позицию хонтийский генерал сообщил о заключённом перемирии…

– Можно, можно? – один из учеников тянул руку, будто желая коснуться потолка.

– Да, пожалуйста, – разрешила учительница.

– Сражение в Волчьей Пасти – это гениально продуманная и блестяще проведённая операция маршала Карса, позволившая измотать и сокрушить хонтийских агрессоров, принудить их к заключению перемирия, а затем и к миру! – выпалил мальчик. – А позвольте вопрос, господин ротмистр. Вы получили Крест прямо из рук самого знаменитого маршала Карса?

– Прямо из рук, – кивнул Тоот.

– Ух ты! – Мальчишка восторженно присвистнул.

Учительница погрозила ему пальцем.

Ротмистр с трудом сумел удержаться от усмешки: плюгавый герцог Карс, родственник императрицы, в военных кругах слыл паркетным маршалом, не приближавшимся к линии фронта ближе, чем на три сотни фарлонгов. Воистину, был славен лишь тем, что первым из военачальников поддержал Неизвестных Отцов. Стране нужны были герои, и вот маршал Карс стал гениальным полководцем, а ротмистр Тоот – кавалером Пламенеющего Креста за беспримерную храбрость.

Он обвёл взглядом ждущих рассказа учеников, попытался вновь ощутить себя учителем гимназии, но не смог. Словно утопающий, хватающийся за соломинку, он вспомнил, как в позапрошлом году обучал новичков-кандидатов в действительные рядовые Легиона, и речь потекла твёрдо и плавно:

– Соблюдай главные принципы движения между строениями. Углы и отдельно стоящие постройки старайся огибать против часовой стрелки, справа-налево, чтобы иметь преимущество, стреляя влево от себя, будучи прикрытым чем-либо. При столкновении с врагом лоб в лоб ни в коем случае не беги от него, получишь десяток пуль в спину. Только вперед. Стреляй из всего, что у тебя стреляет. Кидай гранату, бросай нож, хоть бы и пустой магазин. Не дай опомниться, беги вперёд и вправо, боковым зрением ищи себе укрытие…

Ротмистр говорил долго, ярко, чётко, жестикулируя, приводя наглядные примеры, пока вдруг не споткнулся взглядом об распахнутые в ужасе глаза девчушки за второй партой от учительского стола, и сразу весь задор пропал, и на душе стало пусто и отчего-то тошно.

– Вот так вот, – завершил он и сконфуженно поглядел на часы. – Извините, мне надо спешить.

Он вновь как на иголках прослушал «Благодарственную песнь» и повернулся к двери.

– Дети, ведите себя тихо. Я сейчас вернусь, – объявила учительница. Она вышла за Тоотом в коридор.

– Я нёс чушь? – смущённо проговорил он.

– Нет-нет, господин ротмистр. Вы очень хорошо рассказывали. Просто здесь неподготовленная аудитория.

– Да что там, я нёс чушь. Простите, что сорвал урок.

– Ну что вы? – Учительница вдруг улыбнулась, и вся её напускная строгость улетучилась в единый миг. – Это был хороший урок для всех нас. – Она чуть замялась. – Простите, господин ротмистр. Можно личный вопрос?

– Валяйте, – махнул рукой Тоот.

– Вы меня не узнаёте?

– Простите? – Атр напрягся.

– Меня зовут Юна. Юна Дэнн. Я младшая сестра Крайта Дэнна. Вы помните его?

– Конечно, помню, – радостно улыбнулся Тоот. – Парнишка, который соорудил управляемую по радио крысу и принёс её в женскую гимназию на день тезоименитства Её Величества. Конечно, помню! Это мой ученик.

Он едва сдержался от нелепого вопроса: «Как он сейчас?» Среди прочих выпускников его класса Крайт Дэнн погиб в истребительном батальоне где-то здесь неподалёку.

– Но ведь вам же было тогда совсем немного? Лет одиннадцать?

– Двенадцать, – поправила Юна. – Но я ничего не забыла. Брат много о вас рассказывал. Очень любил вас. Жаль, что он сегодня не с нами.

– Он пал как герой, – заученно ответил ротмистр и закусил губу, вслушавшись в фальшивый пафос фразы. Перед глазами у него опять встали оттаявшие штабеля расстрелянных окровавленных тел.

– Он был бы очень рад увидеть вас.

– Пожалуй, я уже пойду. – Тоот вскинул руку к берету и повернулся к выходу.

– Простите, господин ротмистр. Быть может, у вас найдётся хоть немножко времени посидеть, вспомнить брата. Отец стал нелюдим и почти все время проводит на работе. А больше, – она развела руками, – мне не с кем.

– Да, конечно. Только я не знаю ещё, где остановлюсь. Если хотите, потом заеду за вами.

– Можете остановиться у нас.

– Но у меня бронеход, механик-водитель, пёс. – Тоот покривил душой, вспоминая Дрыма.

– Ничего, дом большой. Правда, он на отшибе, у леса. Но на колёсах отсюда ехать недолго.

Тоот поглядел на девушку. За последние годы он мало видел таких девушек. Практически совсем не видел. Но, как ему показалось, Юна очень хотела, чтобы бывший учитель принял её любезное предложение.

– Хорошо, – чуть не заикаясь от волнения и стараясь глядеть в окно, кивнул он. – Я подожду вас внизу, в бронеходе.

Вал Грас дремал на водительском сиденье, время от времени чуть приоткрывая глаза и высматривая, не идёт ли командир. За спиной его то и дело слышалось недовольное урчание запертого в десантном отделении упыря. Тесная железная коробка свободолюбивому зверю чертовски не нравилась.

– Потерпи, Дрым. Потерпи. Сейчас хозяин придёт.

При этих словах тяжелая входная дверь гимназии открылась, выпуская господина ротмистра.

– Вот и он.

Грас встряхнулся и положил руки на рычаги.

– Едем дальше?

– Стоим, – коротко ответил Тоот.

Дрым недовольно фыркнул и оскалил клыки.

– Сейчас девушку одну подождём, – то ли механику-водителю, то ли своему лохматому другу объяснил Тоот.

– Ай да ротмистр! Ай да хват! И часа в городе не провели, а уже девушка. Она хорошенькая? – заулыбался Грас.

– Воспитуемый, что за разговоры?! – резко оборвал его Тоот, недовольно сдвигая брови и обозначая жесткую складку над переносицей.

– Виноват, энц ротмистр, – подавился словами Грас.

– Вот так-то лучше. – Атр почувствовал, как на губах сама собой появляется улыбка. Надо же. Он поймал себя на странном ощущении, что не перестает думать о большеглазой учительнице с того момента, как закрылась за ней дверь класса.

– Я о жилье договорился, – садясь на командирское сиденье, пытаясь казаться равнодушным, сообщил Тоот. – Судя по всему, хорошее место. Дрым, для тебя там найдётся, где побегать.

Упырь недовольно фыркнул, всем своим видом показывая, что бегать он желает прямо сейчас.

– Ну погоди, погоди немного, нагуляешься!

Чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, ротмистр начал вспоминать школьные истории: походы в лес, раскопки, спектакль, который ставили на гимназической сцене много лет назад. Крайт тогда играл молодого графа Баллу, вождя повстанцев, а он сам – императора Эрана II, к которому граф сам лично, чтобы избежать кровопролитного сражения, приходит рассказать о народных чаяниях.

Тогда Атру было примерно столько же лет, сколько Юне, и он казался себе очень взрослым. Тоот сидел прикрыв глаза, и в голове его крутилась гениальная сцена, вышедшая из-под пера таинственного Шерана, в которой император открывает графу Баллу, что тот его сын, награждает его за храбрость, велит своему войску приветствовать героя, а затем своими руками казнит его как мятежника. У зрителей при этой сцене всегда наворачивались слёзы на глаза, когда старик-император, отбрасывая в сторону окровавленный меч, целует отсечённую голову и падает наземь, прижимая её к себе. «Любимый сын, вот месть твоя!»

Тооту показалось, что он помнит зал и синеглазую, с огромными бантами девочку из первого ряда, едва удерживаемую отцом, чтобы не рвануться на сцену, на помощь брату. Прошло меньше года, и всё «императорское войско», и «мятежники», и «граф Баллу» сложили головы под гусеницами хонтийских танков.

«А ведь это я послал мальчишек воевать! – По телу Атра волной прокатила нервная дрожь. – И теперь поеду в один из опустошённых мною домов и стану там жить. “Любимый сын, вот месть твоя!” – Сердце его облилось кровью. “Массаракш!”»

– Энц ротмистр, – Вал Грас отвлёк командира от терзавших его мыслей, – может, желаете, я в магазин слетаю? Всё-таки в дом идём, опять же к девушке. Оно бы вкусненького чего-нибудь купить не помешало.

– Давай, – согласился экс-император и достал из кителя несколько смятых жёлтых кредиток и пайковую карту офицера Легиона. – В магазин на той стороне дороги не ходи, там и при государе ничего не было. Торговля для проезжающих. В переулке пройдёшь два дома, зайди во двор. Раньше, ещё до войны, там располагалась лавочка вдовы Унз. У неё всегда можно было найти хорошие продукты.

– Слушаюсь, энц ротмистр!

– Да, вот ещё. Если вдова или её дочери в лавке, скажи, что это для Аттайра Тоота.

– Так на карте же написано.

– Передай привет. Им будет приятно.

Странник ехал не спеша. Торопиться было некуда. Как любили шутить в конторе, «пожар развивался по плану». Ясно, что кто-то из сотрудников лаборатории, а может, и заводоуправления состоит в контакте с партизанами. Личные дела необходимо тщательно просмотреть, но шанс отыскать там что-либо существенное – минимален. Проверки здесь каждый год. Если не

находят, значит, не то ищут. Одно можно утверждать почти на сто процентов: партизаны – не хонтийцы, не пандейцы, а уж тем более не жители Островной Империи. Это свои. И, что парадоксально, не просто свои, а специалисты, разбирающиеся в очень специфических вопросах волновой физики. «Хорошо бы узнать, – подумал шеф контрразведки, – партизан интересует что-то конкретное, относящееся к лаборатории танкового завода, – он потёр длинную костистую переносицу, – или же их просто интересуют любые разработки излучателей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.